

**МОЙ
СТИХ
ТРУДОМ
ГРОМАДУ
ЛЕТ
ПРОРВЕЕТ**

№ 13 июль 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» - МОСКВА

СМЕНА

Португальцы насильно при-
нуждают работать на себя за
границей или, вообще говоря,
местно избирают за малей-
шую провинность, а в случае
протеста бросают в тюрьму;
обладают полной властью
африканцев непосланных на-
логами; не строят школ, больниц
и вообще не заинтересованы в разви-
тии страны; с возмущительным пре-
небрежением относятся к коренному
населению, обрекая его на постоян-
ный голод и нищету. Представители
местной португальской администра-

ции, за редким исключением, счита-
ют, что африканец должен оставаться
таким, каков он есть; что он абсо-
лютно не способен ни к какому ре-
меслу и может быть лишь рабским
поюрным слугой...»

Увы, абзац этот выписан не из кни-
ги времен Жюль Верна, времен таин-
ственной и загадочной Африки,
еще только ждущей часа своего пре-
буждения. Книга Барбара Корнуолл
«Восстание в Буш» увидела свет в
прошлом году, и рассказывает аме-
риканская журналистка о сегодняш-
нем дне Мозамбика, сражающегося

против колониального владения
Португалии.

Выглянув на газетную полоску.
За телеграфной строкой — судьбы
народов.

Человечество поднялось против ко-
лонизализма. Против рабства, против
беззакония.

Карта мира меняется на наших гла-
зах.

Бывшие колонии становятся незави-
симыми государствами.

Мальчишки, собираемые когда-то
марши колонии, выросли, и их дети
охотятся теперь не за маршами Фран-

цузской Экваториальной Африки или
Бельгийского Конго, а за новыми по-
стоями выпускаемыми молодыми респу-
бликами Чад, Габон или Заир.

Но старый мир не уходит. В офи-
циальном списке колонии, составлен-
ном ООН, сорок три территории.
И этот список не полон. Ибо в него
не включены территории, фактически
находящиеся на положении колони-
и.

Старый мир цепляется за остатки
своего былого могущества — он по-
прежнему стремится распрямлять
судьбы стран и народов.

В этом номере, в преддверии X Все-
мирного фестиваля молодежи и студен-
тов, «Смена» публикует седьмую подбо-
рку материалов, рассказывающих о пре-
ступлениях империализма XX века. В досье
«Преступления империализма» «Смена»
включила следующие пункты обвинения —
«Агрессия», «Гангстеризм», «Геноцид»,
«Милитаризм», «Террор», «Расизм».

КОЛОНИ

КОНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ

ИМПЕРИАЛИЗМ

«Империализм вынужден сохранять
последние прибрежья колониализма.
В частности, он активно поддер-
живает истребительную войну порту-
гальских колонизаторов против
народов Анголы, Гвинеи (Бисау) и
Мозамбика, подавляя реснические
режимы в Южной Африке. Импери-
ализм использует все методы нео-
колониализма, чтобы сохранить свое
доселедство и помешать экономиче-
скому и социальному прогрессу в
развивающихся странах».

Из программного заявления ВОДМ,
принятого Восьмой юбилейной асса-
мблеей Федерации в ноябре 1970 года.

В КРОВАВОМ ТУПИКЕ

Маленький церковный служка Педриньо давил-
ся от хохота. Его просто распрямало, но вслух сме-
яться нельзя было ни в коем случае: за такой
унылый грех падре — священник — больно над-
рал бы уши, поминался матери, и дома еще бы
больше влетело. Да и терять несколько монет за
мессу тоже не хотелось... Мальчику отговаривался
и сопел, изво всех сил сжимая рот, стараясь не да-
вать. Потому что лоснящаяся френчовая толстая
сенсора была глупа до невозможности. И не-
дела. Толстак вытянул язык до отказа. Маленький
Педро даже сквозь опущенные благочестиво ресни-
цы видел, как дрожит напряженная маленькая
кончик его языка, будто хвост какого-то стран-
ного микрого зверька, как лопаются пузырьки
слюны на широкой и вязкой поверхности, покры-
той мелкими пузырьками...

А падре все никак не может поддеть на по-
жевку маленький белый кружочек тела Христо-

Потому что Ангола для него — это железная руда, кофе и хлопок. Потому что Мозамбик — это нефть. Потому что Намибия — алмазы, уран, полиметаллические руды.

Колония — это самый дешёвый, рабский труд. Это вековая отсталость. Деятели восьми процентов всего населения Мозамбика неграмотны. За несколько столетий лишь 12 местных жителей Гвинеи [Бисау] и острова Зеленого Мыса смогли получить высшее образование.

Колонии приносят монополиям не просто прибыли, но сверхприбыли.

Немыслимые, огромные, фантастические сверхприбыли.

В португальских колониях заинтересованы не только Португалия, но и американские и английские, бельгийские и западногерманские, итальянские, голландские монополии, банки, картели.

На смену колониализму спешит неомонополизм.

От завоевания, вырванного в борьбе национальной независимости до независимости окончательной, полнок [в том числе и экономической] дистанция неслыша.

Восемьдесят — девяносто процентов выручки от экспорта молодых африканских государств по-прежнему приносит шовизм сырьевых колоний.

Колониализм не хочет уступать.

Борьба впереди нелегка, но у народов, сражающихся за свое освобождение, есть надежные и испытанные союзники.

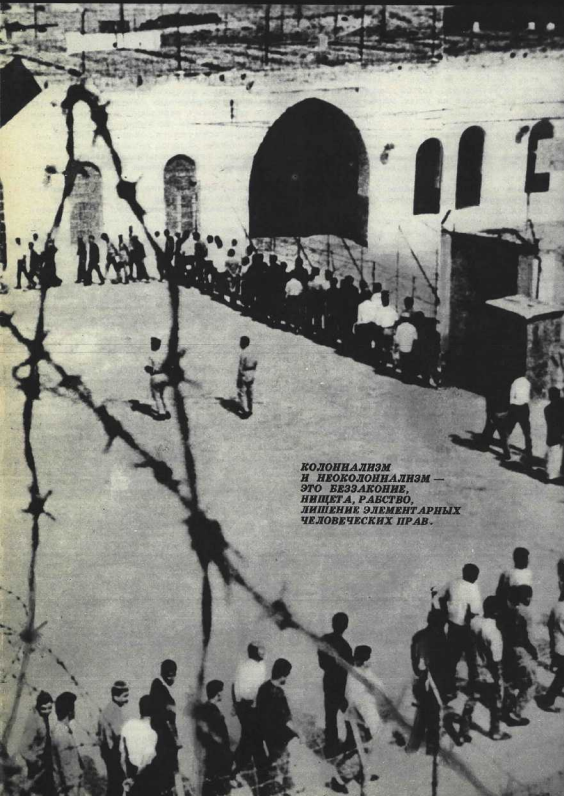
Выдающийся деятель африканского освободительного движения Генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса [ПАИГИ] Аминкар Кабра, убитый ставленниками Лис-

сабона, подчеркивая значение помощи Советского Союза и социалистических стран, писал: «Никакие улолки, никакие преступления португальских колонизаторов, никакие силы в мире не смогут помешать народу Гвинеи [Бисау] успешно продолжать борьбу за национальное освобождение, мир и социальный прогресс. Наша победа неизбежна!»

Свобода придет не только и народом Гвинеи [Бисау].

Но и в Мозамбике... Но и во всех угнетенных народах, сражающихся за свои права.

ЖАЛТЫЕ

КОЛОНИАЛИЗМ И НЕКОЛОНИАЛИЗМ — ЭТО БЕЗРАЗЛОЖИЕ, НИШПР, РАКСТВО, ЛИШНИЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРАВ.

ва» — облатки, чтобы вложить ее в рот заждавшемуся святого причастия сенюру. Толстяк согнул и стоит смиренно, а падре все возится в кармочке с облатками.

В повале праха собора причожане начали хихикать, приносясь ладрышками.

Наконец облатка легла на ложечку, еще секунда, привычное неразборчивое борокотание священника, и толстяк щелкнул челюстями и пошел на место, судорожно глотая слюну.

Месса пошла своим чередом, без сучка, без задоринки. Священник бордо вкладывал облатки в рот причожанам, и очередь быстро редела. Таделочки, которую держал в руке Падриньо, опустела. Когда он поднимался вверх за падре на амвон, он мог бы появиться на эвангелии, что священник бросил на него лукавый, явно заговорщический взгляд. Все-таки удалось, ему досады немного этому толстяку тамже, который столько раз смертельно недодал ему в тесной кабинке исповедальни!

Через зарешеченное окошко, к которому он принадевался ухом, до него доносились много всякой мутьи и чепухи, но уик лучше было выслушать признания законнибуд истеричной старухи, чем разбираться в грехах этого сенюра...

«В последнее время приносил мне, что огромные сочные окорки всю ночь гонялся за мной, и я кусал его, падре, о грези наши тяжкие, и он кусал меня, падре, о пресвятая дева Мария, и так до самого утра...» шептал толстяк со слезами и мукой. «Прощается...» — сдерживая зеваку, отвечал священник. «Что дальше?» «Отоддал на воскресную мессу, падре, и толкнул убогую приходе, падре...» «Прощается...» — тут ли не взыком отращенным борокотал священник и с надменным сморел сквозь узурную решетку. — теперь всё! Но толстяк только поправлял подушечку под коленями и вновь начал шептать, и в исповедальни кабинке становилось невыносимо жарко и ипловило в сои, а старухи ждали своей очереди старухи, а потом еще надо было разносить святые дары, читать проповедь, а потом еще ехать на освещенные двух резинками в руке конях Лиссабона — это значит освещать, передаваться, еще раз освещать, а наутро вновь будет расщипываться голова, потому что уряд ли эти кирки припадут хороши французские поваль, а будут ушачать северной подделкой под шотландские виски, а зтог все мелет, мелет, о господи...

Священник испуганно помял себя на том, что просто ненавидит этот непрерывно мелочный язык, и почти выгнал толстяка из кабинки, а поте лица своего добудает хлеб твои. Вот уж праведно...

А толстяк сенюр вышел на улицу и преобразился.

Козмрув, отряпил ему дварцу жемчужно-серой «Миллви» личная шофер-координаторе, бесшумно подкатила машина к особняку в центре Лиссабона, и толстяк прошел в свой кабинет. Здесь началась его работа. Он был одним из гвардари всеобщей генеральной дирекции безопасности, политической полиции Португалии, бывшем ПИДЕ, и ведал искоренением итемиников на газорских территориях.

Сегодня был день Ис, и он не мог не принакрупуную бумажку на поднос сборщику церковных пожертвований и как уважительно вытянул лицо сборщика. Не жалко. Потому что с 1

Бон он хотел быть сегодня в яме. Потому что, если сорвется сегодняшняя операция, только чудо может спасти его, потому что зарежет он со своего поста и не поможет тогда никому заслушать... Но яры не должно было сорваться. А значит, подбираться не один год... Далеко сам тантенштейн мистер Смит, прикативший из-за океана, сказал, небрежно погромыкая язык в бокало с кокаином, что гарантирует успех операции... Если только наши черномысли коты 30 процентов не полные дубины». Издалека, из одного из построенных в мавританском стиле долах Биску — столицей «португальского» Гвиней, должно было прийти достоверное сообщение об успехе в том деле заброшенных и индеренных в долину повстанцев агентов.

Толпак схмынул со стола все пакки, все бумажки, все приборы с карандашами, все инструменты, все раздрано, даже почти неслышим шум кондиционера. Он выключил его. Стало жарко. Он сорвал галстук, рубашку. Подошел к окну. Там, на улице, он знал, кишмя кишело шпанаж. Они нагло бродили за прохлялыми через стекла пригитикумаса к обочине автомашин, из-за столиков кафе, прожигивались парам по тротуару. Случайные прохожие стравни проходят чуть ли не на цыпочках мимо этого моста, старательно избегают на лицах полное смирение и благоденствие. Молчание на улице. Молчание в кабине. Молчание в стране.

И только время щепилку тумблер переговорного устройства...

■ В ТУ НОЧЬ в допоздна застелена в опустевшем помещении редакции, дописывая какой-то срочный материал. Уго готовился поставить последнюю точку.

Неожиданно вспыхнул свет в окошке телекабеля, и раздались короткая, сухая дробь пишущего устройства. Будто притронутой очереди, и зажебнованной. Потом встала асфальтовая дорога, и телекабель застрелен, зашелся, загорелся. И вдруг угло, умолк так же неожиданно. Я подошел посмотреть отечественную телеграмму. Длинная лента застрелена между пальцами.

Срочно. Убит Амилкар Кабра, Генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвиней и островов Зеленого Мыса. Предварительное сообщение. Ждите подробности... Телекабелю передали подробности убийства Кабра из зарубежных информационных агентов. Не хотелось верить. Елеф Биверт, что в погоне за сенсацией западные журналисты позволяют себе такое старое повторение. Биле срочные новости, но Амилкар Кабра выступал перед журналистами и горючо говорил о том, как близка победа, рассказывал о планах строительства новой жизни в Гвинее, свободной от португальского колониализма. А в новозгоднюю ночь, ровно за три недели до этой телеграммы, он выступал перед товарищами по партии. Он призывал к братности. «Мы имеем дело с вероломным врагом, который не стесняется ничем в своих преступных действиях и использует все средства, чтобы попытаться уничтожить нас».

Ужасно это было его завещание! Нет. Не может быть.

Вновь загорелось недрагоценное око демуранто телекабеля.

«Сообщение об убийстве Амилкара Кабра подтверждено официально. Убийство совершено в Гвинее. Ску Туре заявил, что подлыми убийцами являются агенты португальского империализма, пришедшие в оружие убитого лидера».

Имена убийц, их возраст, их адреса пока не известны.

Имена убийц, их возраст, их адреса были уже известны. Убийство Кабра было еще одним кровавым преступлением империализма, которого жутко косячили. Его адрес — Лиссабон, Претория, Солсбери, Тель-Авив, где у власти окопались колонизаторы и расисты, павучи те, кто борется за свободу, правды, честь и достоинство в собственном государстве. Кровавый след преступника тянется через века.

■ ПЛАЗИВУ ПАТАМИ, к распространению на земле обменному идею подошел один из испанских конкистадоров. Старательно отворачивая лицо от дыма, он ткнул расквашенным железом в плечо исследователю дождя. Он встал в очередь, забился в петлях прочнейших веревоч, опутавших его тело. Рабдор закричал один из воинов. Очувшись от обмороча, Гугаутес прокричал: «Молчи. Пусть не радуются собакам». И вновь повторил слово. «Что сказал!» — бросился Кортез и Малинде. «Гордый он!» — бовляло ответе перевод-

чидца. «Разрешите мне! — К Кортезу подошел Хунда. «Эх, жавь, не захватили мы кое-каких инструментов святой инвазиции», — боргался он, нивалил на углы острые ножи. «Это был пятнадцатый век. Погоя за Эльдorado — страной золота».

—Седобородого сиява в кровавых белых одеждах припритнули намертво и широкой доске. Потом доску припритнули и выступили на артиллерийском орудии. Холодное железо стола огляло избитое тело. «Плим» — скомадовал английской офицер, и пушечное ядро пробило тело вставшего при колониаторских войск просвещенной Вальмоубитица...

Так шествовал колониализм по планете.

—У романтика шторвал и шивалов Дюкозара Конрада еще произволения, в которых не плещутся морские волны, не скривит мечты и не врется перурус. Уме немолодой писатель вспоминает, как курил он полночную трубку в центре Африки и думал об одиночестве. Одиночество человека бредит дунутыми озверелых искателей спонных связей. И на страницах его книг начинаю появляться кандалы цепи и возникает вереница высохших от солнца, болезней и голода черных невольников. Железные ошейники расстрелян в кровь кожу, цепь, связывающая их, выключает по мысли и камням. Если кто умерал, охранники, чтобы не тратить время, просто отрубали голову раба. Довольно скоро освобождались полные связи цепью, и можно было завоевывать новую партию...

Так начинала свою деятельность компания «Юнион миньерт. Так строилась железная дорога, по которой спила полвека похоту урановую руду для бомб, которые разрушат Хиросиму и Нагасаки».

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первое шаг к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в западное поле охоты на черноморж — такова была утретная зря капиталистического производствва. Вот научная оценка и самое точное определение того, что представлял из себя колониализм, так сказать, в юности. Оценка эта принадлежит Карлу Марксу. Зрелый колониализм продолжает навести глазец на свою историю».

Звучит чудомомом, но главным аргументом адвокатов колониализма стал... гуманизм. Белый колониатор был объявлен светочем истины.

«Уче в наши дни Грэм Грин, тот самый известный Грэм Грин, путешествуя по Западной Африке, носил с собой карту американского военного министерства, на которой было нанесено большое белое пятно и крупным шрифтом выведено: «ЛЮДОЕДЫ!».

Почти колониаторов: но о каких жестокоста не может быть и речи. Вот если бы речь шла о людях... А тут и разговорвать-то не стоит! Ну, учили их, цивилизовывали, звали на себя явное бремя белого человека, так ведь для них же польза!

■ Я не преувеличиваю. Я почти дословно цити-

рую. В 133-й статье конституции Португалии написано: «Португальская нация органически священо выполнять историческую функцию колонизации новых открываемых земель, поставленных под ее суверенитет, передавать и распространять среди нового там населения благоденствие и цивилизацию, осуществляя равным образом то моральное влияние, которое принадлежит ей в силу ее положения метрополической Востона».

Один пример «благоденствия» эти «инкорветельцы».

Свидетельствует дезертир португальской армии Маршо Мотиньо де Падуа:

«Мне вспоминается проводник, охотник, который носил с собой пугил [предназначенные для охоты на слонов], чтобы испытать их на пленных. Он рассказывал, что однажды приехал в трем пленным беглецам, а затем убил их выстрелами в голову. Голова в буквальном смысле слова отрывалась от тела, голову падало несолько позвонков. Слово «дядюшка колониализма» — английскому историку И. Кроунг: «Хотя в нашей колониальной истории время от времени могут встречаться страницы, которыми мы не можем гордиться, в целом нам ее стыдиться нечего. Никто не может усомниться в том, что ее будут рассматривать как весьма счастливого события в развитии туземных народов».

Сегодняшний Израиль. Олньстр. Подвешенное с университетским образованием, убивающее нежиданно.

«Мистер Маклин, известный деятель Ассоциации борьбы за гражданские права в Северной Ирландии, был арестован в половине пятого утра у себя дома... У него забрали всю одежду и выдвали взамен армейской комбинации. Его поставили у стены и приказали разложить ноги и раскинуть руки. Он стоял так, пока не упал. После этого он отказался встать, тогда его свестили за руки и за ноги и начали расквашивать вшир и вшир и бить спной о пол.

Его били по животу, залапывали рукой, отгибали руки назад под ямочку углами и били ногой в спину, раздвигали ноги и били между ног... Его били затылком о пол, пока он не впал в полуобморочное состояние. Били кулаком за ушамы, выщипывали волосы на груди, зажимали нос и рот и сдавливали горло, пока он не изменил задуматься. Его перегибали через стол. Наступали набулкам на пальцы... Подвесили в наручниках так, что ноги чуть касались пола».

Это сегодняшний день английского колониализма. Это не XII, не XVI, не XVIII век. Это наш, XX век, нем спугнутом, расстреленного атома, ядерности.

Но какими же средневековым, трутним скрадом несет от этой хроник преступлений колониаторов?

И тут бесспорно была политическая косметика, любовь религиозных гнилец.

Потому что человеконенавистническая сущность колониализма остается неизменной. Потому что страницы его доске преступлений не просят от крови...

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

№ 13 (1107)
ПОЛЬ
1973

Бруно КРИМИ
(Жен Аэрфо,
Алмир, сентябрь,
1972 г.)

НАША ОБЛОЖКА:
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
РОВИЧ МАЯКОВСКИЙ.

Рисунок художника
Олега ВУКОЛОВА

РЕПОРТАЖ ГЕРМУРАЗА МА-
МАДАЕВЪ «ИСТОКИ ЧИТАЙ-
ТЕ» НА СТРАНИЦАХ 14 — 15.

ХРОНИКА УБИЙСТВ

Мозамбик превращается в гигантский концентрационный лагерь для трех миллионов негров. Это результат лишь первой фазы плана, который по словам военного губернатора Лоренсу Маркеса Кауса ди Арриага, должен позволить португальцам держать в своей власти все мозамбикское население, составляющее около 8 миллионов человек.

Он приказал построить сотни стратегических деревень. Так называемое «адвентенту» — это настоящие концлагеря. Я разговаривал с одним португальцем, только что приехавшим из Мозамбика и посетившим десятки таких «адвентенту». «В зонах партизанского влияния», — сказал он, — «семь африканцев приказали уехать из своих деревень и прибыть в ближайший административный центр. Если они не подчиняются, то все деревню просто-напросто сметают с лица земли при помощи авиации или сжигают огнематери. Лагерь окружен двойной оградой из колючей проволоки. Никто не может выйти из них без специального пропуска военных властей».

В настоящее время в одной лишь зоне Тате построено 500—700 «адвентенту». Кауса ди Арриага думает, что к концу будущего года ему удастся «охватить» таким путем по меньшей мере 3 миллиона мозамбикцев.

«ИХ НУЖНО ВСЕХ ПОКОНЧИТЬ МУЖЧИН — ПОТОМУ ЧТО ОНИ ВСЕ ТЕРРОРИСТЫ, ЖЕНЩИН — ПОТОМУ ЧТО ОНИ МАТЕРИ ТЕРРОРИСТОВ, МАЛЬЧИКОВ — ПОТОМУ ЧТО ОНИ БУДУТ ТЕРРОРИСТАМИ, ДЕВОЧЕК — ПОТОМУ ЧТО ОНИ БУДУТ МАТЕРЯМИ ТЕРРОРИСТОВ». Так говорил бывший военный губернатор Мозамбика генерал Маркесу на одном из официальных приемов в столице страны городе Лоренсу-Маринше.

Я долго беседовал с итальянским священником Чезаре Вегулли и с португальским священником Луисом Алчиче прочих португальские власти выслали из страны. Они рассказывали мне о том, что видели своими глазами и лично смогли проверить. Их

рассказ мог бы занять десятки страниц, но достаточно сообщить лишь несколько весьма характерных эпизодов.

В мае 1974 года португальцы ворвались в деревни Кангига и Аташени. Они ищут «террористов ФРЕЛИМО». Деревенские жители якобы должны были видеть их. В действительности партизаны здесь даже не показывались. Но солдаты не верят неграм. В издании они вытаскивали из земли 14 мужичков-алюгоденных отцов и называли их на ахесте. Обе деревни были сожжены, сют убит, запасы продовольствия уничтожены.

В сентябре 1974 года члены высшего командования Базы Матуриду ехали на автомашине, которая поворачивалась на mine. Все находившиеся в ней погибли. Революция была умасляюще жестокой. Ближайшая от Базы деревня — Камбебе. Солдаты, прибывшие на вертолетах, вошли в деревню с автоматами наизготовку. Несколькая очереди — шестеро убитых... Они уехали с собой 20 мучеников. Через четыре дня прилетевший в деревню вертолет выгрузил два тела: труп и умирающего старика. Это был Жони, 66-летний кожд деревни.

Командующий южной зоной Мунимбуры полковник Кравейру Лопш Виль ди Шиноа сообщает властям: «Вскоре наши самолеты и вооруженные отряды начнут прочисывание зон Манданди, Алингш, Шитенги, Бушу Нову и других. 3 ноября это «прочисывание» началось. Почти все деревни были сожжены. В одной из последних деревень солдаты нашли 16 женщин и детей. Их загнали в одну хижину и спросили, где прячутся мужички. Никто не знает. Тогда «просто для забавы» солдаты начали бросать в хижину гранаты. Только одной удалось угощаться, другая бежать. Среди жертв 12 детей. Самому младшему — один месяц, самому старшему — 13 лет».

Подобные рассказы не нуждаются в комментариев. Заметьте, однако, что во всех военных сводках жертвы именуется «террористами ФРЕЛИМО», даже младенцы, которым едва исполнился месяц...

6

«ГАЗ» ОСТАЕТСЯ
ФЛАГМАНОМ.
БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ
ДИРЕКТОРОМ
ОБЪЕДИНЕНИЯ «АВТОГАЗ»
И. И. КИСЕЛЕВЫМ.

9

ЗЕРНО К ЗЕРНУ.
КУБАНСКИЙ РЕПОРТАЖ.

20

СЕРЫЙ КОНУС АЛАИДА.
ДНЕВНИК ИЗВЕРЖЕНИЯ.

24

СДАЙ НОРМЫ ГТО!
СТАДИОН «СМЕНЬ».
Занятие в школе.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА ПОСВЯЩЕН
Х ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В БЕРЛИНЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОЛЕГИА: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Пободоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стугов [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Буднина

**ПАРОЛЬ:
ДОСРОЧНО!**

**ПЛАН
КАЖДОГО
ДНЯ,
КАЖДОГО
МЕСЯЦА,
КАЖДОГО
ГОДА,
ВСЕЙ
ПЯТИЛЕТКИ—
ДОСРОЧНО!**

Досрочно! Это слово — ровесник первой пятилетки, боевой спутник всех пятилеток, от первой до девятой.

Комсомолец двенадцати и тридцати годов удраини, стахановец, зачинатель социалистического соревнования — они передали нам это слово как пароль, как эстафету, как призыв. Мы, комсомольцы годов семидесятых, мы, молодые рабочие решающего года девятой пятилетки, должны быть достойны словы наших отцов, гвардейцев социалистического труда. А это значит — мы обязаны работать так, чтобы выполнять досрочно план каждого дня, каждого месяца, каждого года пятилетки.

Досрочно!

Вот социалистическое обязательство нашей бригады на 1973-й, решающий год пятилетки:

- про бурить за год 70 тысяч метров горных пород при плане 45 тысяч метров;
- достигнуть коммерческой скорости 5 300 метров на станок в месяц;
- нормы времени по всем видам работ выполнять на 125 процентов;
- бороться за безаварийную проводку скважин;
- повысить производительность труда на 21,5 процента;
- снизить себестоимость метра проходки скважин на 2,5 процента;
- достичь экономии 145 тысяч рублей;
- бороться за звание бригады коммунистического труда.

Взвесив свои возможности, выявив все резервы, мы приняли решение выполнить пятилетку за три с половиной года, к пятидесятилетию присвоения комсомолу имени Владимира Ильича Ленина.

Каким образом мы собираемся добиться поставленной цели?

Прежде всего, применяя новую технологию — бурение на двух кустах, двумя станками, шестью вахтами. Это значительно сокращает непроизводительное время. Мы полностью перешли на высокоомментные турбобуры ЗТСС-ТП с долотами 5К и 9М — у них отличные гидромониторные свойства. Это позволило увеличить скорости бурения и проходку на долото. Оперативную помощь оказывает нам районная инженерно-технологическая служба: технологи управления отлично изучили особенности проходки самотерящих скважин.

Без совершенной технологии, новой мощной техники, без квалифицированной помощи инженерно-технологической службы мы не смогли бы выполнить наших обязательств. План нашей бригады —

это и план управления, и выполнение его — задача коллективная. Ощущая постоянную помощь со стороны управления, мы отлично понимаем, какая огромная ответственность ложится на нас, членов бригады.

Каждый из нас старается работать так, чтобы внести наиболее эффективный вклад в общее дело. Между вахтами, бурьлицниками, помощниками бурьлицников, электрниками, слесарями кипит соревнование, полное азарта и страсти.

Надежно работает Владимир Сериков, один из лучших наших бурьлицников. Он пришел в бригаду позже других, но прочно сложил с коллективом, стал его частью. Не хотая уступать Серикову и два Федора — Сухоруков и Метрусенко, Вахту Евгения Павловича Геча, самого опытного нашего бурьлицника, отличает скрупулезная, дотошная работа при подготовке буровых.

Молодые помбурь Рауль Мухарметов и Рафат Юсупов старательно изучают профессию бурьлицника, они всегда готовы заменить старшего вахты. Выращенный десятиклассник Леонид Прохоров, работающий у нас электрником, великолепно знает дело, остроумно решает возникающие перед ним задачи, сводя простои электрооборудования до минимума. Наши слесари по ремонту оборудования Павел Макаров и Александр Вавилин в совершенстве владеют специальностью (а при необходимости могут заменить двух-трех специалистов иного профиля), оперативно и четко устраняют все возникающие неполадки. Словом, каждый трудится с максимальной отдачей, всегда готов прийти на помощь товарищу.

Хотя состав нашей бригады довольно стабилен, и у нас появляются новички, молодые рабочие. Мы прекрасно понимаем, как важно с первого дня помочь им быстрее войти в коллектив, освоиться, раскрыть свои лучшие деловые и человеческие качества. К новичкам мы прикрепили самых опытных рабочих, они помогают молодым эффективнее найти себя.

Разумеется, и у нас бывают промахи, бывают срывы, но мы не механическая сумма шести вахт, мы бригада, мы коллектив, мы исправляем ошибки совместно, общими усилиями коллектива.

Но не все в нашем деле зависит только от нас.

Для того, чтобы четко наладить работу на двух кустах, необходимо иметь своевременно смонтированные буровые. Мы частенько в сердцах поругиваем нашу вышко-монтажную контору, нередко те-

ВРЕМЯ, ВПЕ

РЕД!

ряем из-за вышкомонтажников часы, сутки и даже недели, но если говорить по справедливости, то вышкомонтажная контора не заслуживает нашего упрека. «Вышкар» работают много, но масштабы буровых работ на Самолоре за последнее время значительно увеличились, и мощностей вышкомонтажной конторы попросту не хватает, чтобы удовлетворить потребности буровиков.

Пора подумать об усилении вышкомонтажной конторы. Медлить с решением этого вопроса нельзя.

Героические усилия проявляет наша трубная база, чтобы снабдить буровые бригады трубами нормального качества. Героические, потому что Сумгангский трубный завод поставляет нам часто бракованную продукцию. Какими потерями может обернуться одна нагерметичная труба, попавшая в скважину, очевидно, представляют комсомольцы Сумгангского завода. Хотелось бы, чтобы заводской комитет комсомола внимательно изучил положение дел и поставил надежный заслон браку.

В своей работе мы связаны друг с другом.

От того, насколько успешно мы осуществим бурение, зависит выполнение плана нефтегазодобывающего управления. От работы этого управления зависят планы нефтеперерабатывающих заводов и других предприятий. Мы все связаны в этой работе! И давайте трудиться так, чтобы не подводить друг друга, а помогать друг другу.

Мы обращаемся не только к комсомольцам и молодежи, занятой в нефтяной промышленности. Мы обращаемся к комсомольцам и молодежи, работающей во всех отраслях промышленности и транспорте. Будем трудиться вдохновенно, умножая богатства Родины! Будем трудиться самоотверженно, отдавая делу все свои силы.

План каждого дня, каждого месяца — досрочно!

План решающего года пятилетки — досрочно!

Девятую пятилетку — досрочно!

По поручению
комсомольско-молодежной
бригады
Нижнеартурского управления
буровых работ № 1

Виктор КИТАЕВ,
буровой мастер

С Генеральным директором объединения «АВТОГАЗ», Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии Иваном Ивановичем КИСЕЛЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Святослав РЫБАК

пер-на вашем третьем реноструиции. Началом, центром и вилдом НТР является человек. Но человек — по Марксу — общественных отношений. Как научно-техническая революция преобразует нынешнего рабочего и инженера? Какие требования она и ним предъявляет?

— Даже на самом фантастическом уровне техники главным все равно остается человек. Однако условия, в которые он поставлен, обостряются чаще, чем, положим, сменяются поколения. Такого еще не было, чтобы жизнь дедов прошла в век пара, отец — в век электричества, а сына — в век ядерной. Насчет сына и отца, может быть, и преувеличиваю, но на глазах людей моего возраста прошла и «малюшка Ильича», и космические открытия, и машинный «мозг», и многое другое. Причем не только «прошло», но и стало фактом всей нашей жизни, а стало быть, и производства, коль разговор наш о нем. Это вот перемены в окружении человека с каждым годом убыстряют свой ритм и вносят с собой и проблемы, и сложности, и противоречия. Я на ГАЗе в 1932 года. Тогда я работал в техникуме при заводе. С 1937 года учился технологом. История завода — это и моя жизнь. Поставляя рядом наш первый грузовик «ГАЗ-АА», плановую «попугорку» и современный «ГАЗ-53» или даже не сами грузовики, а сравните их производство, и тогда будет ясно видно, какой путь прошел завод. А ведь это случилось

на глазах одного поколения! Прежде, к автоматическим линиям мы относились с третьим восторгом — вышло это будни. Автоматических линий больше двух сотен, в цехах работают электронно-вычислительные машины третьего поколения. О почти-механизированных линиях говорить не приходится — они на каждом шагу. Вот мы впервые в истории ответственного автомобилестроения перешли без остановки конвейера на выпуск «Волги ГАЗ-24». И хочу всем этим сказать, что технический уровень производства непрерывно растет, что история завода — это есть и история эволюции рабочего. НТР рождает свой идеал рабочего. И определило его так: высокий уровень культуры и знаний, но не только по специальности, хотя это тоже значит очень много. Несмотря на молодость рабочего, жизненный опыт у него другой, включающий в себя опыт и знания предшествующих поколений. Поэтому из вчерашнего школьника нам не сложно подготовить для себя, например, наладчика автоматических линий. Когда мальчик рос, воспитывался, он и готовился. Сейчас он готов вполноте. А его подготовка к современной технике не так уж трудна прежде всего для него самого.

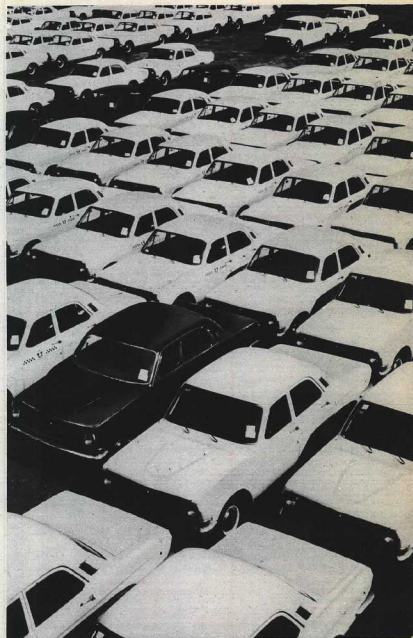
— Иван Иванович, на ГАЗе с 1960 года внедрено около 1700 единиц оборудования, требующего от обслуживающего персонала, как минимум, среднего образования. На некоторых линиях наладчиками работают инженеры и техники. Фундмн нынешнего рабочего требуют высоких знаний. Вы сказали, что вчерашний школьник калопомню и этому подготовлен. Однако на заводе приходится жить с неполным средним и даже с начальным образованием. Вы ведь не стесняетесь за них?

— Нет, конечно. Давайте взглянем на наших новобранцев поступающих. Они в основном молодежь. Больше десяти тысяч из них, к сожален-

нию, средней школы не закончили. Мы их принимаем на работу, даем специальность. Обучение проходит на различных курсах. Молодые стремятся попасть в универсальное производство, работать наладчиками, слесарями-ремонтниками, электриками, где требуются определенные инженерные знания. Если я вам назову дисциплины, которые им преподают на курсах, то станет понятно, какого уровня рабочих мы хотим подготовить. Это теория резания, техническое черчение, допуски и посадки, гидравлика, электротехника, электроника и даже программирование.

— Вы сами говорили, что условия труда изменяются очень быстро. Не возникает ли разрыва между вашей подготовкой и требованиями завтрашнего дня?

— Мы их учитываем. Инженерные познания рабочего дают ему необходимый запас прочности. Кроме того, мы следим за его моральной подготовкой. И подкармливаем под этим деятельностью, наставников. Это кадры, добросовестные рабочие, которые прошли курсы педагогического минимума. Они еще долго, после окончания воспитательного обучения, не выпускают его из поля зрения. Назову среди них модельщика Ф. Т. Колосова, слесаря С. А. Кушнера, электромонтера-ремонтника А. М. Липанова. На ГАЗе слыше двух тысяч наставников... И еще одно существенное замечание: человек автостроения для уже не будет кохдуть на нынешнего. Развивается производство, развиваются и люди. Например, рост технического уровня в пятилетку приведет к изменениям в структуре работников. Число высококвалифицированных рабочих увеличится на 17 процентов, квалифицированных — на 30. Степень охвата рабочих механизированным трудом составит 85 процентов против 77,9 в

1970 году. Нужны эти однотипный процесс, в котором нашему новобранцу готово все наблюдать? Нет, как раз именно он, рабочий, стоит в центре всех перемен. Есть у заводского комсомола несколько пунктов, и, как только новичок поступает на завод, приходим мы к немилым теориям этих пунктов. Они бы схватывались и велели идти. В первую очередь движение «Каждому молодому автоводу — особый образцовый пример» приводит его на первую очередь, затем движение «Каждому молодому автоводу — особый пример» помогает ему освоиться с первыми трудностями. Дальше, покаяв первую раз до конца работы, он пробует свои силы в соревнованиях «Лучший профессии», потом в конкурсе мастера «Золотые руки», в выставках технического творчества молодежи. Прощу прощения за этот скандал. В жизни, конечно, все складывается не так. Но в жизни есть сущность перемен, которые происходят с новичками ГАЗа, и показать, каким путем они идут. Вот за прошлый год у нас людей с начальным образованием стало меньше на тысячу, а со средним — на три тысячи больше.

— Иван Иванович, а изменение людей, производства, очевидно, должно влиять на работу с молодежью.

— Отвечу кратко. Творчество молодежи начинается со школы работ молодежи. Движение «Одному отагощенному...» — с обучения азам профессионального мастера. Это уже создается инициатива и понятие. Но как создавать условия, чтобы работать, учить культуре, готовить в aula, воспитывать рационализатора. Форма осталась, содержание — новое.

— Много у вас ребят, которые промах всю лестницу не идут?

— Большинство. Назову Вячеслава Арефьева. Он выпускник профессионально-технического училища при ГАЗе, отслужил в армии, вернувшись домой, просящая работа. Он не знает, «куда» — все отпало. На конкурс «Золотые руки» явился первым место сначала в цехе, потом на заводе, в области, на республиканском был вторым, встал в финал Всесоюзного конкурса НТМ... Арефьев — молодец, но я мог бы назвать много. Тут дело в классовой самозащите современного рабочего. Ведь становится четкой идеологией этого рабочего коллектива, что не только профессионала, а прежде всего с помощью товарищей воспитывать, воспринимать себя единичным классом, которое в конечном итоге помогает самозащиты и самосохранения человека. Возникшая сеть молодых передовиков инициатива создать ударные отряды девятой пятилетки — есть выражение этой самозащиты. Их девять «Комсомольская норма» — 130 процентов! В отряды может войти далеко не каждый, а только победители соревнования «Лучший молодой рабочий». Это действительно лучше из лучших, их более трех тысяч человек. В производном году они все до одного достояние выполнили личные планы, подали 835 рационализаторских предложений с эффектом примерно в сто тысяч рублей. И в этом участв. Это одно из непременных условий для создания отрядов. Отлично работают они и в развивающем году пятилетки.

— Иван Иванович, в начале нашей беседы вы сказали, что нет технической революции, а есть сдвиг и противоречия. Как сравнить два факта: с одной стороны — это высочайшее образование молодых высокообразованными, а с ГАЗе 17 тысяч рабочих с начальным образованием?

— От эти цифры не уйдешь. Пониме у нас сохраняются сферы деятельности на позициях трудящихся молодежи. Здесь нет нужды в высокообразованности, а в условиях необходимости менять ветеранов. Но мы чувствуем, что скоро они научат сдерживать производство. И детишки, в научном мы начинаем внедрять автоматические линии, так идет развитие, обновление кадров. И вообще, я думаю, противоречия здесь точно кажутся. В 1931—1935 годах завод бурно разрастался. Если человек пришел в бригаду в двадцать лет, то сейчас он на пенсию пойдет многие. Это в целом для нас известная проблема. Однако в ней положительных сторон не меньше, нежели отрицательных.

— В летной промышленности техническое образование, совпадает со своей понятием. А как быть там? ГАЗе, например, у нас до сих пор выпускает «ГАЗ-51», разработанный еще в 1930-м, и производят его до сих пор. Почему? А что будет после? Ведь сейчас модель поставит перед рабочими новые требования?

— Грузовик «ГАЗ-51» изготавливается на старом оборудовании. Оно морально и физически устарело, но так, что мы не сможем заменить его в металлом, — консервативно. Буду у нас равные такие возможности, мы бы сделали это раньше. Сейчас завод набирает мощности за рубежом. Сейчас завод АСУ, передовой техники. Сейчас две категории рабочих, которые надо будет переувеличить: это слесари-наладчики и операторы. Мы предвидели это, проводим переподготовку.

— Иван Иванович, в последние годы среднегодовое увеличение числа рабочих, занятых наблюдением, контролируемым установками в различных отраслях высшего уровня, не превосходит среднегодового прироста всего населения — это закономерность НТР. Как оно проявляется на заводе?

— Мы не исключение. Однако с ремонтными, слесарями-наладчиками трудно. Их число растет, а полностью удовлетворить наши потребности не может. В ближайшее время такое же произойдет и с инструкторскими. Для людей подобных профессий мы создаем дополнительные льготы в получении жилья, презируем «тринадцатый зарплата» новичков сразу после окончания работы. Идет застрахование с рабочими. Возьмите любой участок, и вы увидите, ладчики выбирают из лучших стеновников. Например, на участке блоков средней зарплатой 117 рублей, ладчик четвертого разряда получает с премией выходной всего 117 рублей, а ладчик пятого разряда 117. А учителя, слесари четвертого разряда готовят десять лет. Мы лишь стараемся поддержать необходимую материальную заинтересованность, это закон социализма.

— Выходит, зарплата не успевает изменяться вслед за производством?

— Правильно. Система оплаты труда более консервативна, чем жизнь это может терпеть. Мы принимаем социальные меры. Но надо решать по существу.

— Иван Иванович, мы до сих пор говорим только о рабочих. Инженерные кадры — процесс труднее всего приобретать новые люди?

— Конечно. Инженерный труд в нынешних условиях стал иным, чем в тридцатые годы. Когда человек с высшим образованием работает наладчиком, то номинально он выполняет функции рабочего. Он уже не организатор производства, не исполнитель, а исполнитель творческий. Это суть сущность его труда остается инженерной, поисковой, изобретательской, но уже не руководит деятельностью других, а отвечает за деятельность. Поэтому, как видите, думаю, не нуждается в подробном объяснении. Мы уже говорили о сложности современного образования. Сейчас мы внедряем автоматические системы управления, АВМ будут на всех участках управления и планирования производства. И вот для того, чтобы успешно освоить и эксплуатировать АСУ, необходимо подготовить кадры, которые специализируются в области проектирования, программирования, автоматического обслуживания АВМ, средств сбора, накопления и передачи информации. Подготовка такого специалиста, это, по сути, дает ему уровень высшее образование. Но в нашей стране, как вы знаете это предвидели, и у нас нет таких лиц, которые мы не могли бы использовать из-за недостатка знающих людей. Мне известно, что в институте ГИИЗМ слабо используются по этой причине. У нас же не хватает машин, но людей. Еще в первые годы ГАЗа были заложены основы механизации труда инженера. В дальнейшем, как вы знаете, машина тогда не решала инженерных задач, однако сам инженер в дальнейшем не был для нас чем-то необычным, мы оказались к нему готовы. В Госкомтехе по инициативе ЗМН я слышал такую фразу: «Возникла потребность в специалистах среднего звена ГАЗа». Действительно, у нас все ЗМН работало непрерывно. Благодаря той категории инженеров, о которых я говорил.

— Вот эти тенденции специализации. Как всего производства, так и отдельных инженеров. ГАЗ создавался в виде комбинации с замкнутым циклом. В тридцатые годы это отвечало тогдашнему уровню производства. Сейчас, когда другое, более прогрессивное оборудование. А сейчас для управления таким большим заводом, как наш, нужна децентрализация и специализация производства. Например, КамАЗ — замкнутый производственный цикл, а сейчас другой — там узкая специализация. Как вы думаете, у нас есть условия для развития другого из других расположений предприятия по производству узлов, но объединение по одним

руководство. Я считаю, что там все правильно: близость, единое руководство, техническая и организационная взаимосвязь — одновременно и одновременно и одновременно. Мы стараемся, чтобы не было проблем, и мы будем как поступать так же. Однако наша задача настолько перелетана, что подчас нельзя дать им автономию. Это процесс трудный и длительный.

— Специализация инженеров, наверное, лежит в этой же плоскости?

— Разумеется. К нам выпускники институтов приходят очень хорошо подготовленные теоретически, но конструкторы из них получаются только в том, что касается теории. Если же говорить о знаниях и производственных навыках, то они обладают тонкой инженерной интуицией, знаниями информации, патентов — патентуют все, даже формулы автомобиля. Это несведущие люди, могут работать, но не могут. Хотите ГАЗа положить на каучуки-индуль фордовскую модель. Сейчас в автомобильный завод бы не может. Дальше — конструктор обязан чувствовать перспективу, быть эрудитом и знать, знать, что такое автомобиль. «Нельзя было бы обобщать». И тем не менее... Современный конструктор глубоко подготовлен в какой-то определенной области. Полностью, он занимается с нормами или кубиками. Но если же говорить о знаниях здесь все. Но глубокая специализация требует от него, как ни парадоксально на первый взгляд, широты подхода. Вот на «двадцать четвертого» нормативах, которые мы сейчас делаем, конструктор изучает и двигатель и конструкцию мотора, все автомобиль. А их профиль узок — только тормоз. Свою задачу он, безусловно, выполняет. Но конструктор должен видеть своим внутренним инженерным зрением все, хотя и занимается чем-то вполне конкретным... Объективно он должен делать лишь то, что по силам производству. А зарплата и премии — это нечто фантастическое. Но если же говорить о следующем месяце? Значит, мы от этого будем выключены, отказываясь? Конструктор должен знать технологию лучше технолога, чтобы не попадать в накладки в нем. Значит, он должен не сдерживать конструкторскую мысль, наоборот, это мысль подталкивать, подгонять производство, требовать нового оборудования. И мы вводим технологический процесс. Это мы вводим перспективу, ответственность и делаем емкое качество современного инженера. Мы гордимся тем, что отпала ВЗУ около 250 человек, которые должны были все руководители производства, цехов, конструкторов. Только так нам, горьковским, у нас в связи с этим прибавилось хлопот, но факт остается фактом: ГАЗ не имеет возможности филиалам отечественного автомобилестроения.

— Иван Иванович, конечно, в жизни такого не бывает, чтобы человек думал: «Вот много времени и того-то числа произойдет для нашей страны, границ между установленными и фактическими?». В жизни эти проценты, тем не менее, не являются, но вы сказали о труде рабочего и инженера, и поэтому эти грани сейчас порой немыслимо установить.

— Да, это одно из следствий НТР.

— Раньше вы говорили, что молодые рабочие участвуют в деятельности отрядов девятой пятилетки. Это носулось инженерам?

— Они тоже участвуют. Например, конструкторы составили для себя методику, в которой перенесли свою труд в условия единицы. Они учитывают квалификацию, сложность работы и ее качество, сложность оборудования, в год не меньше пяти рационализаторских предложений и участвовать во внедрении. Как видите, девять рабочих: «Комсомольская норма» — 130 процентов, участие в деятельности отрядов, идея соревнования, если не подходит, то не подходит, желт воплотится за станком и за конструкторским комбинаном. Научно-техническая революция — это не только кадры специалистов, но и высококачественная работа. Это тоже главное ее следствие. Деятельность наших комсомольцев, их личный разрыв не говорят об этом?

— Если не возражаете, давайте поведем инт...

— А стоит ли? Вот мы расставим все точки, а затем, когда обязательно произойдет что-то новое, возникнет новая проблема и мы будем ее решать... Вы меня понимаете? Революция продолжается.

— Редакция приносит свою благодарность рабочим завода, которые помогли организовать эту серию бесед: И. Герасимову, И. Бочнареву, И. Яковлеву, В. Барышеву, И. Кронову, В. Зеленинскому, В. Гавринову.

Борис ФАИН

ВНИК воскресным утром на площади совхоза «Красноармейский» безлюдно, тихо и чуть туманно, только директорская «Волга» у сверника и сам он, Алексей Иванович Майстренко, уже ожидающий нас с

секретарем комитета комсомола Гришей Загородним.

— Ну, что! Позжали! — Пиджак на мощной фигуре расплывет, шляпа слегка набок. Майстренко садится за руль и посылает: — Экой на меня Сашино, ох, злой! Я ж ему давно обещал приехать, еще когда живому звуку прик Жлобы присудили...

«Волга» мчнется по шоссе. За окнами то кружение полей с зеленой эмалью, то ровненькие стены тополя и жердела — лесополосы, то валы оросительных каналов, обширные рисовые плантации — картины. Сначала мы направляемся в седьмое отделение, там — колхозно-молодежное здание Савин Котваца, знаменитое по всему краю. По итогам соревнования первых двух лет пятилетки звание вручен призер имени Дмитрия Петровича Жлобы — героя гражданской войны, командира Стальной дивизии.

Жлоба первый, с чьим именем связывают кубанский рис.

Тогда тут была бедность, темнота... «Слобы» — наделили люди тонкие лямочки, камышинные заросли, где рай комарью и лигузиане и где они, зеленые-габары, битые не раз маляршей, осанявали землю под рис. Жлоба был начальником «Пластроя» и директором первого рисоводческого треста. Еще и по сей день старини рас-

сказывают о его неистовстве в работе, об умении замечать всех и каждого — был он в защитном своем формике поплавался на главной трассе ирригационного сооружения и, если надо, сам брался за кирку или лопату, работал до седьмого пота и общался, что «придет время» — техника у нас будет Обаятельно!

Своеобычна красота рисового поля. Графика топей и зернолю воды. Рис занимает четкие квадраты, обвалованные межами — это ченок. Система ченок, объединенная оросительной, дренажной и сбросовой сетью, — это карта. Вода любому стеблю дает силу, для риса она еще и среда, без которой он после всходов не может выжить. В бесконечных полях и сбросах, в непрестанных маневрах водой на чехах взлетают рис.

Но нечего искать сходства в рисовых ченах времен Жлобы с теперешними. То, прежде, были малы, рассчитывались под ручную, соблазнительный труд. Нынче на бывших плавнях увидишь иные площади, дающие простор технике, целому набору машин, увидишь новых сельских рабочих.

— Гриса, — поводит рулем Майстренко. — А ты чего не заводишь!

— Ты я с парторгом все вопросы решаю, с Иваном Карловичем.

— И правильно. Только и дирекцию не игнорируй. Ты заходи, предлавай! Где твои предложения! Моему, деняти как лужма на мифорантпей! Ты стрелись, чтоб все у нас в колхозно-молодежном было. Весом!

— Алексей Исвеков...

— А то вчера во дворец московский детский хор выступил — хоть бы под конец значки им вручили, ца-

ЗЕРНО ЗЕРНО ЗЕРНО

Игорь ПОЗНАНСКИЙ, Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

ты... Эх, вы-и, черствый народ. Ра-
дости надо побольше. Радости! —
Гриша пытается возразить, но ди-
ректор еще обостряет разговор: —
Ты ж меня ни разу на комитет не
пригласил. Ну! Это порядки!

Комсорт хмурится. Он еще недав-
но работает, а авторитет директора
высок, повороты мысли неожиданны,
и Гриша как бы робеет.

Алексей Исаевич скоро сконча-
ется, он Герой Социалистического
Труда, заслуженный агроном РСФСР.
У Майстренко рабочего дня вроде и
нет, он так живет: в шесть утра
уже на ферме, а полпосыемого на
пашерне, весь день-деньской в хло-
потах, а вечером, после наряда, са-
дится почти разбирать, принимает

людей, со специализидами совещае-
тся. И попоробуй ограничить его! Все
уже дома, она в кабинетах знает
темиными провалами, а он в мониторе.

Сын конюха и сам бывший конюх,
Алексей Исаевич не особенно это
подчеркивает, ибо «теперь происхожде-
нием не возмощь, теперь знания,
знания подавай». Он пришел в ук-
рученный совхоз в пятидесятых го-
дах, эдак реставрировать побитые
войной рисовые системы, черпал от
специалистов их богатый капитал —
профессиональный опыт, и постепен-
но в совхозе от разговоров перешли
и семинарам, возмела в премудро-
сти агропаткини и механизации все
больший круг людей. Одна мысль по-
морждена другой... По стране гремят
имена Перяцкого и Светличного —
родоначальников бензариных меха-
низированных звеньев. Ведь как бы-
ло? Сеял один, ухаживал за посевам

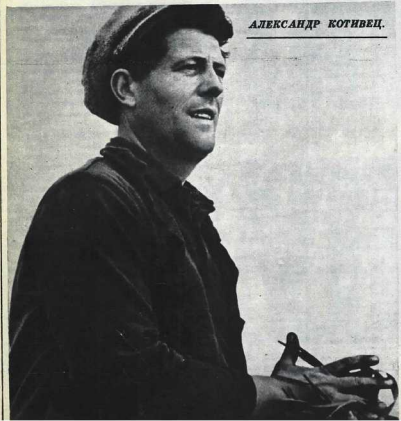
другой, убирал уромая третий. Тран-
кторист, как водитель, катался по по-
лям, намотывал гектары, — по ним
шла оплата. Безраздельно же система
давала землю и технику в один ру-
ки, будила хозяйского заинтересован-
ность, задала и ответственности, и оп-
лата уже шла за отдельные виды
работ, а начислялась по итогам тру-
да, по уромая.

У Майстренко новаторский склад
ума: «А давайте на рисе это дело
введем!»

Сомнений было через край, неуве-
ренности, осторожности, прищидок.
Ведь рис с сукходольными культурами
не сравнить: много трудовых опе-
раций, почти нет специальной
техники, но везде ирригационная си-
стема надежна. Мало ли было при-
чин для сомнений? А чуть ползае сти-
хи, как нарочно, стали испытывать
на прочность первые бензариные
звенья механизаторов-рисоводов...
1964 год: в апреле — мае проливные

донжди. Вода доверку заполнила о-
риентальные и сбросные каналы, чени.
Оптимальные сроки обработки почвы
и посева уходили. Командный штаб
совхоза. Майстренко в тридцать спра-
шивал совета у Ученого: «Как быть?»
И решили: провести обработку почвы
по воде, а рис сеять с самолетов... А-
вгуст 1966-го. Идет налива зерна, сте-
ной стоит рис. И вот ураганные вет-
ры, град и ливни переупутили массу,
примали ее к земле. Люди бешави-
но дрались за спасение урожая. А
пыльные бури в январе — феврале
1968-го! Ураган засыпал аэропосеи
и каналы, нарушил плотородный
слаб. Тут много зависело от людей
и техники — они встретили веску го-
товыми!

В стратегии хозяйствавана Май-
стренко особое место занимает под-
готовка кадров. Она — в комсомоль-
ско-молодежных звеньях, которых

АЛЕКСАНДР КОТИВЛЕВ.

ОДИН ИЗ ТРАКТОРОВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ ЗА КОМСОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫМ МЕХАНИЗИРОВАННЫМ ЗВЕНЬЕМ. ОН ПРИСПОСОБЛЕН ДЛЯ ЗАВЯЗКИ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ.

ины, в третьем году пятилетки, в сфранцузийском три; в союзных стенидизата-студента; в курсах механизаторов, куда уже давно не нужно агитировать; в новике этого года — курсах мастеров машинного дозана. «Мы методы подготовки механизаторов перенесли на новотноводов», — говорила Майстриню накануне. — Вот уже три дня у нас курсы работают, так! Трехдесятый! Два месяца — теории. Мне доказывали, нет такой программы. Так разобрались! Чтобы молодежь выжила, пришла. А месяц — практика. Чтоб от одной группой до целой группы человек обслужил. Чтоб и уход, и нормальное, и дойна — все постепенно усваивалось. А то дадут девичье после

десяти классов группы — нормик, дом. А как! И сбегает люди. А что! Я б и сама сбегала без привычки...

— Нет, ты мне скажи, — вдруг оборачивается и Загороднему директор, — у нас пока на курсах некомплект!

— Вчера еще новенькая пришла, Алексей Исавич.

— Вчера... Ты, Гриша, тяжелый человек, неподъемный. Нет, ты скажи, ты с кем-либо на родителе беседовал!

— Я! С Чугуи...

Услышав конкретный, по существу, ответ, директор стихает. Ответ как бы примиряет его с Гришей, который на самом деле интуитив этих новых курсов, «каждое утро меза», —

говорит комсорг. Имея диплом агронома и диплом учителя, он все первые недели по утрам читает слез: об зномыме, об организации труда в совхозах — читает дозодично, толково, порой прерывая себя и говоря [будто копируя какого-то своего институтского доцента]: «Это замешаете. И слушай, торосил, под Гришину диктовку Вера Фуги и Нина Сливню, Надя Лебедь и Васа Войнов и другие курсисты, которых сам Майстриню, неуклюжий о престане профессии, запретил называть дозавами-доярами и велел именовать по окончанию курсов «клубернами машинного дозана» и еще велел из всех союзных близнец старшие именовать убирать, в новые весте...

ка. Вообще у звяньего первого комсомольско-молодежного звена с Алексеем Исавичем симпатия и дружба.

— Сашино. Ты мне скажи-привычай: — А как же!

— Там... Ну, Сашино, как делал!

«Третьего дня мы на зарпеленной за иномосильной секретарем «Леза» добралась с Гришей до дальней «Сашинской системы».

Время было обидничкой воды по системе. Горит историей, на прутках поворонено сало, в руках бутылки молока, ибери... Сашиню Котица не было. «Сашиню на хутор подается, до матерки», — похныкивал его тезка Саша Сыманян.

«Воткнул» пришел черт полнца со свертком в руках. «Без, Котица,

НА КУБАНСКИХ ЧЕКАХ.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВ.

«Волга» поднимает к дому Саша Котица. Он спешит навстречу, выбитый, в новом костюме, совсем как в те особые часы, когда в совхозах начинается взаиморевизия, эта трудноразличимая, напряженная пора соревнования отделений, бригад, звеньев. Собираются с утра, по холоду, усаживаются в автобус и едут друг к другу с смотреть работы. Перед собой определяют линейную готовность техники и готовность дорог, гидротехнической системы, да маю ли! Перед уборкой то же самое, и главное внимание состоянию посевов, готовности убрать урожай без потерь. Захватывающие дни. Смотри! «Сашин» глаз все видит, любую промаху. Тут и едкие замечание и грубоватая шутка. Но обижаться не приходится: выправляй недостатки...

— Садись, Сашино, — зовет Майстриню. — Поедем и Гаврилову. Звеньевой он у нас молодой, поглядим, как да что...

— Алексей Исавич, мы ж планировали еще когда собраться!

— Я выжили перед тобой, Сашино! Говорил, что совещания замучили! Сообщай! Так чего ж ты!..

На строгом лице Котица после того директорского приказания улыб-

глядит. Будем температуру почвы измерять? Он принес градусники Звенигов.

Котицев сейчас ровен, чуть задумчиве, даме медлительнее. Но так не всегда.

Прошло вал. Ночью, Бендик и полю, сбивая дыхание. Поток воды затливался чех. Утренней, который вот-вот мог установиться, губительн для риса. Почти увязнув в иале, в грязи, морщина и потыме, Сашино и пларили заслон, рили в валах переувлажнен, чтоб разбросать избыток воды по системе. На слова не хватало сил...

Однако их работа на звание состоит, конечно, не из происшествия, она планомерна, основывается на строгой технологической системе где расписаны все виды работ, все техника: звану доверия урожаи. Сейчас звеньевой выделен на текущий ремонт гидротехнической системы, и управляют они с завидной рачительностью: то чинит шлюз, ибо «нарповый ориентир» что-то подымается, то едут на тракторе с прицепою туда, где «труба просела».

День за днем они ездят по чекам, находят порядок в своем многогранном хозяйстве, делают дело без суеты, без крика — даме «шутки шутуют», и Сашино лишь изредка скажет: «Теперь», хлопцы, на 19-ю нарту... Теперь по систему ЗР-2...»

— Вы, ребята, по ремонту, наверное, диссертацию защитите, сумеете. Так у нас намайем год таким диссертациям.

На тракторном прицеле — кирпич, цемент, доски... Однако при кладке плит у алевдука, при центрировании

стенной канала все ориентируются не на Сашко-звеньевца, а на Андрея Онуфриевича, который в строительном деле «маленько толк знает». Вообще в безмаршрудном звене, которое по плотности водит весь цехи работ на своем участке, каждый овладевает несколькими профессиями: тракториста, комбайнера, машиниста-машиниста, поливальщика, тракториста. На ремонтные мастерские всех Андрей Онуфриевич, остальные у него как бы в подсобниках. А что же звеньевца? Заменяя трактор, подносим киринги, он лишь отвечает, что в эти дни Андрей Онуфриевич делает полевые, самое трудное, например, при полевых шлогах полевые киринги, и Сашко, как бы свингач такие обстоятельства, интересуется: «А не простыньные, дядно Андрей!» В ответ — шутка.

Комсомольско-молодежное звено Котича складывается по принципу: опытные и молодые. Быть звеньевым — дело тонкое. Мало знать агротехнику и механизмы, надо разбираться в людях. Особое внимание роичку, тут важна постепенность. Сашко, упрощая наш разговор, объясняет: «Если новичок приходит и его сразу поставить на систему, дать трактор, комбайн, гербициды — толку не будет. Прикрепляем к опытному механизатору. Или молодой поливальщик ставится на карту, как Колосников, так рядом все равно подгадываем карту опытного. Как Петр Круть... Есть карты полегче, есть потяжелее...»

— Как у вас все проходит!

— Ну, если по порядку, так до сева еще далеко... Начинаем-то осенью, с заблевой вспашки. Ранней весной культивируем — в один след, чизелем — это культиватор, для риса приспособленный. После вносим фосфорные удобрения. Чизелем повторно. Вносим азотные. Дальше — порослишки. Дискवानе. Потом граблер пускаем, водоналивные машинки и бористые, по диагонали, в шесть-семь следов... Мы чего добились! Чтоб чек ровный был. Тогда уж и сев.

У них обязательство — 70 центнеров с гектара. Их же взять надо! А после сева требуется новое мастерство.

— На уборку как!

— До уборки еще далеко... посевает Сашко, закуривая. И рассказывает, как с помощью авиации борются со вредителями сорняками — просят сажать и клубничным (просрочку надо застигнуть, пока у нее два листа, а то после дозу химикатов потребуется увеличить и может пострадать рис). Он так и сказал по старому: «Будто рис жидкой. И дальше в словах звеньевца метафора как бы развертывается, он говорит, как рис выбрасывает метелку — это главный период, пока рис плавает по воде. Когда встает на ноги, тут уж воду потихоньку снимаем, чтоб не полег... Тут и уборка скоро...»

Зачем на заводско-предельной оплате труда. Безмаршрутная организация работы год от года сплывает, коллектив, каждый как бы несет свое мастерство в общий котел, понимая, что от этого зависит урожай, а значит, и оплата каждого члена звена.

— «Сачков» не держим... — говорит Котичев. — Но из звена редко кто уходит. Если случается недобросовестность, в конце года такого товарища можем и рублем наказать. Но еще на год оставим. Как правило, человек исправляется. А вообще все хлопоты старательные, а дело вынают, иначе работать невозможно...

За высокие урожаи, внедрение передовых методов труда, за воспитание молодой рабочей смены Котичев награжден орденом Ленина, стал лауреатом премии Ленинского комсомола, избрался членом ЦК ВЛКСМ.

— Сашко все правильно делает... — говорит Самыгин, объясняя, как умеет звеньевый распределить работу, как технику понимает [«прядунал фрезур!»], как изучил и вырастил марку [«Дедух и Волошин уже сами

С ПОМОЩЬЮ МОЩНЫХ НАСОСОВ ВОДА ПОДЕТСЯ НА ПОЛЯ.

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВИЧ МАНСТРЕНКО РАЗМЫШЛЯЕТ НАД ЗАВТРАШНИМ ДНЕМ СОВХОЗА.

СТЕПНОЙ ВЕТЕР.

звеньевых]. И еще говорит: — У меня братишка, Василий, из района вернулся, тоже у нас в звене работает. У Сашко.

Там, где, скрившись за вербками, Кубыги обгреб совхозные земли, разместило крайнее, восьмое отделение. «Волга» тормозит у безлюдной котировки.

— Сашко, — зовет Майстренко. — Ты каиную-нибудь дивачку обучил! А ты мои здоровенных ребят и юрочку в полыханиях определить, а иногда дивачку не хуже справляется.

— Дивачку на нашей работе тажеловато, — отвечает Сашко, распахивая дверцу, и показывает: — А вот и Гаврилов.

Медведи, еще только год работающий звеньевым Коля Гаврилов подъезжал на мотоцикле. Сказал:

— Здравствуйте, Алексей Исаевич. Здравствуй, Гриня, Привет, Сашко...

Майстренко предлагает:

— Ты, Коля, мотоцикл отгоня домой и садись сюда. Поедем в поля. Помечтаем!

— Алексей Исаевич, а кто его возьмет! Пускай стоим, — Гаврилов встискивается между Загорюдиным и Котичевым, и «Волга» мягко трогает с места, выезжая в поле.

— Твоя земля! Или другого звена! — кричат в окно Майстренко.

— Мой, — отзывается Гаврилов.

— А чьего это соловья еще поют! — Это только здесь, Алексей Исаевич. Чуть ветерок подсушит, все уберем.

— А там что! — Майстренко замечает трактор с сельхоз.

— Любому начал, Алексей Исаевич.

Для соблюдения севооборота рисовую плантацию, которую им провела, засевают люцерной, чтобы дать передышку земле. Майстренко спрашивает:

— Сашко, а ты уме начал!

— Начал. Но главное пока — ремонт системы.

— Мы тоже ремонтируем, — подхватывает Гаврилов. — И чизель себе делаем.

Ту разговор наивились. Зарета проблема, над которой бьются и Котичев, и Гаврилов, и другие механизаторы-рисоводы. Дело в том, что все нынешние машины и многие орудия для полевых звеньев давно ставлены у «обгара», взяты с с/угодлов. Вот и приходится на каждом шагу прииспосылать технику для своих утяжеленных полей, земли, специализировала ее севальным рисом. Все эти дни Гаврилов в мастерской переоборудовал обычный культиватор под чизель, еще вчера хлопотавший с Володей Шкодой у сверлильщика — замканным тесклым рельсом, пуская шпиль и нервничая, стараясь, чтобы все точно получилось.

В отличие от 32-летнего Котичева, и которому уже пришла всясть зрелости, Гаврилов, в его жизни много работы звеньевым комсомольско-молодежным звеном — была самая настоящая лонка. Отец Илья, Нестор Иванович, — механик. И сам Николай считал, что и ему сто на роду начертано. Он немичи Бреховичевым техникум, отделение механизации, и работай рисоводом, много... Но вот и Гаврилову нам бы пришло это же призвание — агрономом! Он стал учиться в Кубанский сельскохозяйственный институт для того, для личного употребления такой выход: «Агроном, тот еще в технике разберется, а механик забору без агронома — жуть мети! И сыскается на совхозного агронома, никто ссылающего, что тогда Нестору Ивановичу было 25 лет, как Николай сейчас, создалась механизатором, зарабатывал в год продукции на 35 000 рублей, а нынче на 82 тысячи. Это и знаменитый требует. Хотя у Коля много всякой черной работы, о земном выском рисовом слезавался: «Если б вы знали, как у нас при погоде! И река, и поле, и птицы поют...» Нестор б ни было настроение, черствый и радуриться всему. Все и растет на том же глазде: пойма долина, бугор выскрило, клубень зазываете. Это и красота!».

В трудном прошлом году звено Гаврилова собрало по 63,4 центнера риса с каждого гектара. У Котичева — у самого Сашко! — урожай оказался по 63,1 центнера, на три десятых меньше. Кажалось бы, Гаврилов, по абсолютным цифрам, победитель. Но если подходить к сравнению не формально, а учитывая, что земли у Гаврилова посевнее, а у Котичева — самая низкая, самая плановая система, и тому же дающая каждый год высокое, стабильные урожаи, то станет понятным и интерес Гаврилову и тем, кто не работает Котичев, и его волнение в эти минуты.

— Алексей Исаевич, — говорит Коля. — Раз уж мы все вместе собрались, и сказать хочу. Все же мало-то начелу зеву земли — 267 гектаров!

— Ты горячку не порк. И вопрос надо ставить не шире, а глубже... Ты используешь человека...

— Учись время ценить! Двести или триста гектаров — не в том суть! А что каждый гектар весомый у нас брата. А то есть полевая — зодят, как по табору, а ты ему день шик. Верно, Сашко!

— Верно, — кричат Котичев. И поворачивается к Гаврилову: — Если взять ремонт системы, много людей не надо посылать. Фронт работы на сооружениях как раз для трюк-четверых...

— Ты слушай-слушай, — вскридывает Майстренко. — И мотай на ус, что Сашко трагует!

— ...что четверо сделают, бывает, шестером не делают...

— Вот! — подхватывает Котичев Майстренко. — И брехология не будет, а делу польза... Гриня! Ты у него в звене собрание проводил!

Комсорг кричат и говорят:

— А все-таки, Алексей Исаевич, не комитет я нас позову. В ближайшее время.

— Давай! И главное, последний, по-моему...

И Загорюдин и другие рассказывают, что с «дедом» — так иногда называют директора — легко, все понимает, молодежи ни в чем отказанет. Что, бывает, некоторые в горюд стремится, об этом говорить не желает: «Мы работаем, создаем дело, все условия — тоб мы интересно жить было, и отпадет проблема». У Гриня блонют с месячным планом работы комлета. План разносторонний. «1. Семьив провагустиров. 2. «А ну, дружище! 3. Засордан комлета: а) общеобразовательная учеба молодежи 7-го отделения; б) взаимопроверка соревнующихся отделений. 4. Утверждение комсомольско-молодежных рисоводческих звеньев. 5. Создать отряды по борьбе с сорняками. 6. Дотюкментование народных дружин. 7. Ренд ИП по хранению и перевозке удобрений. 8. Работа с молодежью на курсах машинного доиния.

«Волга», облекая поля, засела. Котичев, Гаврилов, Загорюдин. Быстро выскимым, стали толкать машину, она тут же пошла.

— Хорошо с парнями, — сказала в задумчивости Майстренко. — Куда жиде, ездят, если станешь, много вымрут... Хорошо с ними!

Во внезапной его речь был большой смысл. Он в них видел свою опору! И беседует с ними вот так, в воскресный день, наротору, утверждался в чем-то своем... Кубцыки — инцидаторы Всесоюзного социалистического соревнования земледельцев в третьем году пятилетия. И среди директорских забот самая главная одна: «Обязательство у нас серьезнейшее — вот что. А выполнять кому! Кто творит, кто работает! Они же Ребята!» Он, чья молодость пришла на времена Дмитрия Жлобы, не жалел для них дня, зная: зерно и зерну лонится.

ШАГИ ПО СТАДИОНУ.

КАЗАЧОК.

СОЛНЕЧНЫМ ДНЕМ...

К 80-летию со дня рождения
В. В. МАЯКОВСКОГО

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ВЕЛИКИЙ ЭПОХИ

Теймураз
МАМАЛАДЗЕ

ИЗ ПИСЕМ

трелезную Гелати с закато-
мом пришла тишина.

Под сводами храма угасли
факелы.

У ограды сидели парни,
Целый день они расчищали
улицы в юго-западном углу
двора и только что закончили са-
ботаж. Еще час, и XII век лишится сво-
его грандиозного обитателя и со-
ветр черту меж былым и сегодняш-
ним.

Завтра сюда придут поэты... Эти
парни опередили нас. Они о чем-то го-
ворили, и не вменяемая речь напоми-
нала стихи.

Наступало время признаний и от-
кровений, и звезды над Гелати спо-
собствовали им.

В такие вот часы встали и горюшки
Васка истории и акридолаэн...

Завтра в Гелати придут поэты...

...Было четыре года, когда его
впервые привезли сюда. Шла служба,
священник читал по-грузински молит-
ву. Мальчик слушал монотонный ре-
цитатив и вдруг начал вторить ему
неправдаждив: «Крути, крути попо-
му, что наше дело пошло хорошо...»

Это были первые стихи и первое
выступление перед большой аудито-
рией. Быть может, именно этим и
объясняется замысел проведения тор-
жества, посвященных Маяковскому...
именно в Гелати, близ академии XII
века.

Есть, однако, иная закономерность
и новая тонкость в выборе места для
праздника поэзии. Гелати, старый и
нестарый друг, стал воплощением
нас знающего гранич вращении. Ва-
ка, история, мифология — верный
масштаб: «Зайдишь через тысячу
лет...»

А в нескольких километрах отсюда
— дом на берегу Ханис-цхали. То
самое место, о котором он написал:
«Родина — село Багдади... И небеса,
о которых не успел написать».

Ханис-цхали падает в плоскоовин-
ную долину К, став его, уютной даль-
ней, о Роник.

Багдади — начало огромной жиз-
ни. Квямн притоком вступает он в
плосководную реку еел

В Маяковский я охал из Вени. До-
рога заметил шаг вперед, хотя до
подъема было еще далеко. Навстре-
чу из дыма туманов выступали лесистые
отроги хребтов.

Районский шофер Эгуджа не вы-
слушал в наш век. Он все был в эн-
тичном мире и рассуждал о нем с
отвагой аргумента. Сенсационные на-
ходки археологов в родном райцентре
продлила Эгуджа гордость.

— Не только это, но только... сме-
жься, говорил он.— Жаль, коротка до-
рога, я бы вам все объяснил...

Кое-что он все-таки успел сказать.
Я записал его слова вечером в доме
Маяковского. Быть может, запись не-
точна: другие беседы не то чтобы
спорили с мыслью Эгуджи — отно-
сительно ее за грань репортерской си-
ропости, к тем минутам, когда будет
переданы все дела и надо након-
чить решать, что же было главным в
минушем дне.

Когда старая улица у входа во
двор стала частью холма, а кровля —
продолжением горы, когда звездное
небо распылилось наглядным к Олим-
пскому побегам, я вспомнил: «Ма-
ло не выбирает мест своего рожде-
ния. Где родился — там и расти и
жить жить. Но ведь очень хочется,
чтобы человек был покоем на сво-
ю родину. Она красна — пусть и он
будет красен. Она добра — пусть и ему
дороготи не занимать...» Соповаления
не так уж часты. Я ни верю ни в бо-
ги, ни в мерта, но знаю, что такое
предназначение, но много, думая о
великих людях, вот к чему прихожу:
природа и время словно специально
распоряжаются так, чтобы земля бы-
ла достойной ступенью по ней че-
ловека. И человек — земля...

В сумятице командировочных дел
многое казалось главным и существ-
ственным...

...Закладка памятника Маяковскому
в Тбилиси. Приуроченная к юбилей-
ным торжествам Неделя советской
поэзии. Учреждение именной стипен-
дии для студентов факультета Тбилис-
ского университета. Праздник в Гела-
ти...

В Маяковский сотрудник дома-му-
зея формировал новую экспози-

Это известный факт. Однако, вы-
ступая в Понтекорво, Маяковский
слишком любознателен и задал мно-
гую. Вас самого забудут. Бесстраш-
но выйдете вы.

— А вы зайдите через тысячу лет,
там поговорят! — отпаривал Мая-
ковский.

Минуту десятилетия, а вы говорите
с Маяковским, как говорили мы с на-
шим современником, чувствующим
наши радости и исходы. Маяковский
иногда читал книги, ила чтец
свое наследие, вопиющее лишь ис-
следователю, но востановившим, со-
звучный всем временам коммунисти-
ческого строительства оптимистиче-
ской марш.

Рождение и жизнь Маяковского
совпали по времени с величайшей в
истории человечества социальной рево-
люцией. И он оказался не просто свиде-
телем происходящих перед его глаза-
ми бурных событий, он принял на них
сам полн долг и обязанность быть
провозвестником революции, ее пев-
цом и гласнатыем.

Маяковский оставил потомкам
богатейшую лямку для познания чело-
века, сгинувшего накалды рабства,
разрушающего свой ум, свои до-
верие, свои физические силы, во имя
достижения вечного стремления лю-
дей к лучшему будущему, к своему
равноправному обществу.

И это относится не только и класси-

че, долготелее иназнесенности неко-
торой известности, но и величайшей
нашью. По-своей иному звучит и некро-
лог. Битва поэта не была битвой на
вооружении, так сказать, в золотой
фигуре Уайльда.

— Не будем литься в тридцатиде-
сятом собрании сочинений и выиски-
вать неизвестные стихи, дабы под-
твердить сказанное. Сделав проце-
дуру, мы публикуем Маяковского го-
во в нашем журнале «Смена». Здесь в
1924 и в 1925 году было напечатано
четыре его стихотворения.

В двух из них — «Вранская заставь»
и «Вранская заставь» — Маяковский
поэт — в грядущее братья, обильно
используя метафоры, описывает свои
мечтания о вранской иницие, которая
ждет не дожидаясь, когда люди назо-
вут ее революцией. В «Вранской за-
ставь» Маяковский, мечтатель-наблюдатель
поведения, описывает вранскую иницие
поэтом, отразившимся в «коммуни-
стическом» иницие. Удивительная нов-
торность Маяковского, удивительная
точность его представлений о наших
днях в этих стихах.

В «Вранской заставь» поэт сравни-
вает иницие своего поколения с иницие
людей, которым поспешивать не
было в недалеком будущем. Говоря о
людях, которых он не видит, он отсту-
пает от страны в мир, когда он пи-
шет: «Вранская иницие» — «Вранская
рабачица» «малышка». В иницие этого
времени вместо теплоты войдут самоле-

цию — «Поэт и современность». Учи-
теля шлоя работ готовили выстро-
ить. Ребята из обкома ЦК вступили
бирали актив и обсуждали будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

В Кутанси, в школе имени Маяков-
ского, директор школы, в беседе со мной
бирал актив и обсуждал будущи
мероприятия.

обязателька Имирза Раим-гогу за
врачом для сына Кости. Имирза шло
вместе с мамой. Имирза шло в
поезде добрался до Кутанси. Вел
приехал, поставил диагноз — скарла-
тинный дифтерит, — но помочь
Костю не удалось, потому что в аптеке
поездо, мальчик умер.

«Будь в Багдади кто одна апте-
ка...» — думал Кукушидзе.

В ответ на его «вдохновенные лоску-
тки» Маяковский написал в Кутанси
куда более значительное будущее
ожидающее его сына, но это всего
лишь воспоминание, а воспоминание
зачисляется, уже после того, как
старинный Багдади принял новую
имя — Маяковский.

Нет ни одного большого писателя,
который не рассказывал бы нам о своем
Будеде. Маяковский иначо иль по-
чти ничего не рассказало о нем, раз-
че что несколько десятков энергич-
ных и четких, как удары метронома,
строк в автобиографии «Я сам и
множество развенных по стихото-
рению и поэмам свидетельств его
«Грузинского происхождения». В это
справке его год перед Багдадским
небесах так и остался непонятым.
Не успел оплатить. Будущее
стояло в повестке дня. О прошлом —
потом. И в тому же яше еще не зава-
деннически и не привик ничитаться со
своей персоной...

Не написал, не успел написать. Но
всю его короткую жизнь, прошлое —
Багдади, Кутанси, Грузия — природа
и человеческая среда детства и
отрочества работала на его поэзию.
Было ему работать.

Дом Кукушидзе поставил у самого
входа в район, в ущелье, предаваясь
звонит перевала Зекари. Зекари или
Мазкари — Верхние врата или Врата
солнца. Переход через Зекари — путь
и источник. Уставшим. Зекари на За-
падном берегу Юго-Восточной Азии
черные лавины, и месец в небе повис
турецким ягачаном.

Было еще другое до...

Было еще другое до...
Было еще другое до...
Было еще другое до...

Было еще другое до...
Было еще другое до...
Было еще другое до...

Было еще другое до...
Было еще другое до...
Было еще другое до...

РАССКАЗ

КОРАБЛЬ
С ДИВНАМИ
ИЗ ТОПОЛИНОГО
ПУХА

Тучи сегодня разные, а день хороший. На крышах снег. Приезжает Медведев. Все.

Нет, не все. Я записала анекдот: «Какая разница между курицей? Отвечает — инвазией. У нее две ноги. Особенно правая. Смешно это или нет? Не понимаю. Раньше я понимала, что смешно, а что нет. Теперь не понимаю. По-моему, эта курица — я. Больше обо мне сказать нечего. И это вовсе не смешно. По крайней мере для меня. Медведев жонглирует, вот в чем дело.

В прошлом году был важный разговор. Я его спросила небрежно: «Зачем люди женятся?» А он ответил: «Зачем люди женятся на другий? Ты это хотела спросить?» Я высокомерно промолчала. Бестактность его не знает предела. Мне завтра исполняется шестидеять. Имя свое — Галина — я ненавижу.

Вообще я заметила, что у меня двойственное отношение ко всему. Перечислю.

1. К одиночеству.
2. К вранью.
3. К загрязнению природы.
4. К Медведеву.
5. К приметам.

Это если брать главное. А уж насчет главного и говорить нечего. Это просто смешно, до чего я все перусложняю.

Возьмем обыкновенную вещь — сон. Казалось бы, тут и спорить не о чем. Сон для того, чтобы спать, чтобы мозги отдыхали. А у меня все наоборот. Я во сне так устаю от снов, что мне и не до сна вовсе. Как будто мне кто-то задает домашнее задание прожить вторую жизнь во сне, а натуре выйти к доске и рассказать своими словами.

Сны у меня бывают самые разные — веселые и грустные, иногда страшные. На выбор. Как в библиотеке. Иногда с продолжением в следующем номере. Иногда цветные, иногда черно-белые, как в кино. Но большей частью по трем программам, как в телевизоре. Но один сон повторяется раз в году столько лет, сколько я себя помню.

Мне снится, что я сижу в театре и на сцену выходит две солдата — молодая и пожилая. Пожилая в черных очках, слепой. Молодой его ведет, а слепой постукивает палкой. Потом палка проваливается в оркестровую яму, и слепой останавливается. Молодой говорит:

— Пошли дальше...

А слепой:

— Здесь был мой дом... Где он?... Почему здесь яма?

А молодой отвечает:

— Дома здесь нет... Здесь воронка...

— А почему на той стороне воронки людей? — спрашивает слепой. — Я же слышу, что много людей? Кто они?

— Это ребята, — отвечает молодой. — Они пришли посмотреть, как все это было...

— Скажи им, чтобы они ушли. Нельзя на это смотреть...

— Я говорю им, — отвечает молодой. — Они не уходят...

Потом дальше как-то все спутывается, потому что во сне я вижу роддом. И выходит меня и мужья и несут спелых малышей. И только моя мама выходит одна. Тогда к ней подходит молодой солдат и говорит:

— Здравствуйте, Веря Николаевна.

— Здравствуй, Медведев, — отвечает мама.

У меня был отпуск четыре дня, — отвечает Медведев. — И дальше я должна ехать обратно служить в ракет Соевской Армии. Поезд уходит через полчаса, а вам приват от вашего мужа. Все его очень хвалит за подвиг и благодарит... Он велел мне передать, что он любит вас все жизни и вы ему снитесь по ночам... что, кто бы ни родился, мальчик или девочка...

— Девочка, — говорит мама.

— ...ему все равно. Лишь бы оно было здоровое, счастливое и умное... А если родится двое или трое, то это будет еще лучше.

— У меня девочка, — говорит мама.

— И еще он прислал дочке подарок... Вот эти часы...

Тут Медведев снимает с руки часы и передает маме. И мама несет меня к машине. Часы начинают тикать возле моего уха, и на этом сон заканчивается. Этот сон я вижу каждый год перед своим днем рождения.

А мама сказала, вставая:

— Он никогда ничего не понимал, этот Медведев. Когда он мне передавал для тебя отцовские часы, он не понимал, что я сразу догадалась, что отец уже нет... Потому что незадолго перед всеми этими днями отец твой написал мне, что встретил среди новобранцев Володю Медведева. И что тот сказал, что я у них в классе была пионервожатой... И что он поэтому очень привязался к этому мальчишке и даже подарил ему свои часы за какие-то его старательные дела... Так что я сразу догадалась...

Почему она подтыкивает мне одеяло и говорит:

— Спи...

Если вы думаете, что Медведев часто к нам приходил, вы ошибаетесь. Я и видела его только раз в году, перед каждым днем рождения. И так всю мою жизнь. Поэтому все разговоры с ним были главными, и я их все помню.

Вот два разговора — оба длиннющие.

Мы в школе проходили Салтыкова-Щедрина, и я очень увлеклась. Потому что после всей романтической чулухи, которую я себе напридумывала, такой вдруг здоровый смысл, такое пренебрежение — прямо как свежий воздух в накуренную комнату. И мне стало хорошо жить. Потому что до этого мне лежали в голову всякие мысли насчет человечества, и я от них приходила в отчаяние.

А тут я читаю Салтыкова-Щедрина и думаю: «Хватит в куклы играть. Мне ну очень хочется взгляды, чтобы звать, как жить, а не картинки из чужой жизни».

И тут как раз приходит Медведев и говорит:

— Как дела, Шоколадка?

Когда я еще была в детском саду, у нас с ним установилась такая игра. Я ему однажды велела рассказать мне сказку.

Он спросил:

— Про что?

Я ему сказала:

— Про меня.

Он начал рассказывать:

— Идил-была девочка, и звали ее Шоколадка. Потому что она так загорала летом, что на всю зиму хватало. И еще потому, что она всегда приходила, когда ее звали. Было, что-нибудь крикнет ей: «Шоколадка! Поди сюда!» И она сразу приходила. Вот какая она была.

— Там одному стало противно. Этот товарищ ест и объясня всем, что он забавляется, потому что я трусы и боится за Соловьев заступиться...
— Что за чалва ужасов? — спрашивает Медведев.
— Ребята надевали простыню на галку и проносили ее в сумерках за кустами... Все девчонки думали, что привидение, визжали... Сейчас я им объясню... Адорозный ступает вперед и кричит: «Они же влюблены!»
Он против реинги! Они только верт в привидения, в приметы, в тринадцатые числа, в черных кошек, в счастливые автобусные билеты, в дурной глаз!.. А так вообще-то они девчонки смелые... Не собрани... Когда все на одного!

«Задорожный, выйдй вон!» — раздается спокойный женский голос, и Задорожный затворяет дверь.
— Во, старуха выступает! Она меня и выгнала!
— Да это же Ефросинья! — изумляется Медведев. — Неужели она еще преподаватель?

— Значит, и вы ее так звали!
— Ну, если Ефросинья там, она Галку в обиду не даст.
— Почему вы так думаете?
— Ничего я не думаю. Знаю и все... Ну, дальше?
— Конечно, Галка... Не insultаю привидения... Зажолила две пальца в рот да как свистит! Мы за кустами чуть в самоту не померли, и простыня с палки свалилась... Потом приняли ее в свою компанию... Девчонки этого простить не могут... Это товарищ поднялся на собрании и объяснял мне, кто они есть, что они трусы и Генка тоже... А Генка зааркал, что этот товарищ его предал. А этот товарищ сказал, что Генка сам Соловьеву предал, а между прочим, цветы ей в дворянку ручку проносывал в ихней квартире, а потом по телефону музика таинственно... Тут они с Генкой чуть не подрались.

— А потом его выгнали из класса? Это товарища, да? — спросил Медведев.
— Ага...
— «Товарищ» — это лучшее слово, которое придумали... Спасибо, товарищ!

— Да надо вам...
Они приоткрыли дверь класса, и тут я их увидела обеих, и мне прямо даже нехорошо стало, или сердце заболело: или голова, даже не помню. А Ефросинья вдруг как раз встала и говорила:
— Так вот, дорогие мои... Я уйду из школы, если Соловьеву переводят в другой класс или еще что-нибудь с ней делают...
Тут наступал рекий шум и тишина.

— Потому что она одна из тех учениц, ради которых я до сих пор работаю в школе и не ухожу на пенсию.
Вот это да! Мы же с ней всю дорогу ругаемся.

— Не понимаю... — говорит Зоя Николаевна, Справедливая девчонка с четвертого класса. Михайловна, вы же с Соловьевой соритесь все время... Вся школа это знает.
— Да... говорит Ефросинья... Сорюсь... Потому что она моя любимая ученица.

Вот это да! От Ефросиньи всегда не помешать, чего ожидать. А между прочим, в сущности, она тоже моя любимая учительница. Так что мы кивты, но только соритесь а с ней буду во что бы то ни стало... Я запугалась, но, вобщем, понятно, что я имеев в виду.

— Я считаю, что надо поздравить Соловьева с днем рождения... — говорит Ефросинья... — на это вы закончите дело... Вы не знаете, что я сегодня испекусь, закройте дверь!..
— Ну все... — сказал Задорожный Медведеву: — Против заслуженной Ефросиньи не поперх... Попнула ей из зтеп...!

А потом двери класса как распахнулись, и все вываливают в коридор, и в классе остаются только Справедливая девчонка с четвертой парты, заслуженная Ефросинья и я — сижу себе за партой, посиживаю. Мне уже все равно, Почти.
Потом входит Медведев.
— Волода? — привороно удивляется Зоя Николаевна.
— Здравствуй, Зоя! — привороно отвечает Медведев.
— Вот, видите наконец, пропащая душа... — привороно говорит Ефросинья.
— Здравствуй, Ефросинья! — привороно говорит Медведев.
— Минуточку... — привороно говорит Зоя Николаевна.

Все делают вид, будто ничего не происходит, но хотя говорят вполголоса, мне прекрасно слышно. И тут я слышу разговор, который ни каждый день услышишь. Потому что Справедливая девчонка говорит Ефросинье, что было некогда с обе стороны заступиться за Соловьева, то есть за меня, привес и тем самым против него, то есть против педагога. На что Ефросинья возразила ей, что непедагогично было в классе говорить о переводе Соловьевой, то есть меня, в другой класс, тем как это дело недвоеств, что непедагогично было в классе говорить о футбольной команде, потому что педагогично не спорт, что непедагогично было хвалить за подлость пубурку Соловьевой только потому, что их больше, а Соловьева, то есть я, одна. И тут все оглаживается на меня и начинаю говорить еще тихе. Но в классе хороша атмосфера.

— И вот я и все понимаю. Каждый из них хочет поговорить со мной наедине, и потому никто не уходит. Мне становится не по себе, но я не уйду ни за что. Пусть вытупывают как хотят. Сегодня мой день. Праздник не получился, но это мой день.
— Ничего не понимаю! — говорит Справедливая девчонка. — Да что Соловьева, особенная накая-нибудь? Исключение, что ли?
— Да, исключение... — говорит Ефросинья. — Как все дети... В школе только правила поведения одинаковые для всех... Но каждый ученик — исключение... Понимаете? Каждый ученик... Исключение этого ученика — это педагог... И Ефросинья идет проч... Один человек выбыл из футбольной команды. Единственный, с кем мне хотелось бы теперь остаться. Я слышу, как она говорит Медведеву: «Зайди ко мне потом!» — и потом по коридору кубиками — топ-топ — как в песенке... Справедливая девчонка подходит к Медведеву... — кому-то так, как мышь...
И тут она спрашивает его, зачем си пришел сюда, ведь они же спорились встретиться у автоматной будки, а на это он почему-то отвечает, что она хорошая спортсменка, а Галка, то есть я, хороший человек и потому не боюсь сам себя, и что Ефросинья это любит, а я чело и не люблю, и что поэтому Ефросинья педагог, а я пока еще нет...»

— Оставь... — устало говорит Зоя Николаевна: — Я сама этого не хотела, так вышло... Это педагогика. Ты в ней ничего не смыслишь.
— Ты действительно не хотела!
— Да.
И вдруг Медведев осливает меня. Я вздрагиваю.
— Галка! — громко говорит он.
Притвориться бесполое. Я поднимаю голову и гляжу на Галку...
— Галка... Зоя Николаевна говорит, что она не хотела всего этого...
— Спасибо... — говорю я, глядя на него в упор.
Он тоже глядит на меня в упор.
— Знаешь, я, пожалуй, поеду... — говорит он Зоя Николаевна.
— Куда? — спрашивает она.
— По своим делам.
— Я тоже уйду... — говорит она.
Но раньше их выбегают из класса я.

А последний раз было так. Вдруг приходит телеграмма, что он приезжает, а на дворе весна. У меня сердце упало. Мама, конечно, подумала, что он придет на выходные — мы получили квартиру в новом доме. Но я сразу поняла: причина не в этом. Справедливая девчонка с четвертой парты — вот причина. Весна. Неужели он не видит, какая она, эта Зоя, «справедливая девчонка»? Я иногда даже думаю, что это недоразумение. Знаете, как а оперетте героиня думает, что герой любит другую, а все зрители знают, что героиня не дура и так далее. Но არა! Не арать не стои. Никакого недоразумения тут нет, просто он сплев, и там, где была Девочка с четвертой парты, давно уже никакой справедливости нет, и никакого добра у них не может быть, потому что в ней что-то когда-то взорвалось, и теперь она пухлая и деревянная. Она ушла... Ефросинья оказалась права, педагога из нее не вышло, и что она делает сейчас, я не знаю, но что-то делает, и я не верю, что она делает хорошее. А он верит.

И вот я стою во дворе дома новостройки, а во дворе скимаяя, а во дворе буду... Ефросинья... — это спрашивает — говорю я в трубку... Скажите... №117... Да, из Омска... Давно прилетел? А как давно? Это точно, что прилетел? Поставьте...
— Да... — говорю я.

— Но спрашивает трубку — раз-да и нет трубочки. И все становится ясно, как быльези деньги на дворе темная ночь. Самолет прилетел вовремя, а Медведев не явился, и я жду его уже второй час. Вот так. Все как в страшном сне.

И тут, как во сне, во двор входит Ефросинья. Но это, конечно, не сон, потому что она теперь живет в соседнем корпусе и, наверно, видела из окна как я торчу у телефонной будки. Вообще мне кажется, что меня помнюнку берут в шуржение, и кольцо скимается. Я слышала обрывок разговора мамы и Ефросиньи: «Что-то с ней творится...» сказала мама, и они разговорили о погоде, когда я вошла в комнату. Из чего следует, что разговор наслася меня.

— Пуху-то, пуху в этом году... — говорит Ефросинья, ловит пушинку и садится на скамью возле меня... Когда тополиный пух летит, кажется, что сама летаешь.

Потом она прислушивается.
— Электричка пошла... — говорит она... — Галка, тебе домой не пора?
— Ефросинья Михайловна... — говорю я... — Когда моя мама у вас была вожатой... она красивая была!

— Ты уже тебе говорила Ефросинья... — Вообще же класс был грудным. Волода Медведев особенно зарывался... Он влюбился в Зою Надеждину... Зою тогда была совсем другая.

Потом мы молчим, а потом я спрашиваю:
— Ефросинья Михайловна... А почему вообще нужна любовь?
Она — Эмму молчит, потом отвечает:
— Если повершишь, что нужно одному... — повершишь, что нужно всем...
— Ефросинья Михайловна, почему это так?... спрашиваю я... — Человек кричит, а его не слышно!

На это она ничего не отвечает.
— Ефросинья Михайловна... — говорю я... — Представьте себе — один человек полюбил другого... Глубоко и страстно... А второй уехал на год в дальний город... А у первого был секрет — он неcessа перелетел вперед на два часа... — что бы не было... будет плохо или совсем друту?

Я начинаю задыхаться, как будто нырнула глубоко и никак не могу выплыть наверх.
— ...И я вдруг первая узнаю... что это, второй... хочет жениться на ком-то... Как домик поступил первый...
Ефросинья отвечает: — Потому что недвоеств...
— Первый, второй, третий... как на параше. А о это второй... Ладно, не спрашиваю... Рецептов тут нет... Дело решаете взгляды на жизнь... Взгляды на жизнь этого, первого...
— Взгляды... — говорю я... — Любит не так за взгляды!
Ефросинья отвечает: — Любят в основном счете любят все-таки за взгляды. Взгляды — это не только речь, которые ты произносишь. Этому можно научиться. Взгляды — это вся ты, все твое поада, способ общения с людьми... жданий ты или готов поделиться, терпимы ты или фанатик с двумя глазами. Чего ты больше боишься — что тебе будет плохо или совсем друту?

Сидим на скамечке, пух летит. А мы сидим и думаем.
— Емю не может быть хорошо... — говорю я упрямо... — если мне плохо.
— Ты уверена в этом?
— Конечно...
— Хорошо... — устало говорит она... — Тогда скажи емю об этом.

Ефросинья Михайловна тяжело поднимается со скамьи, опираясь руками о колонны, и идет проч... А я идирось и телефонной будке.
— Справедливая... — №117

Но тут во двор входит компания ребят, и среди них Генка и Задорожный.
— Дурачок ты, понайт! — говорит Генка Задорожному... — С женщинами надо разгешливо... Хочешь покаян?

— Нет... — говорю я... — лучше уже... — отвечает Задорожный.
Я выхожу из будки. Компания хохочет.
— Галка... — говорит Задорожный... — Мне всегда хотелось тебя поцеловать.
— Отстань... — говорю я.
— Я хочу тебя поцеловать.
— Я вот тебя сейчас со жорда трясну...
— Налевайте... — говорит Задорожный.

Он подходит ко мне, я даю ему оплеуху.

— Правда, треснуло,— удивляется он.

Комплины хочешь.

— Ни одного поплуга без любви,— хвастливо говорит Генка.

— Между прочим, да,— отвечаю я.

— Тихо... Идет кто-то...

И вся компания исчезает.

А я сажусь на скамейку. Не пришла. Вот так. Или, еще хуже, пришла, а к нам не зашел. Не пришел. Отправился прямо к своей замечательной Зое Николаевне... А ведь, в сущности, она ведьма, отрицательный персонаж... Ах, Медведева, Медведева, сказочник! В сущности, я вас тоже выдумала... Не пришел... Шоколадка... Идет кто-то...

— Генка!— кричу в темноту.

— Что тебе?— отвечает Генка, выходя из темноты.

— Пооди сюда.

— Зачем!

— Пооди сюда.

— Что?

— Он поцеловал меня. Я его оттолкнула.

— Протрано,— говорю я.— Хочешь я буду теперь с тобой дружить?

— Почему ты решила со мной дружить? Тебе не противно...

— Потому что ты хуже... Хватит скакать. Да забравств реальная жизнь... Генка, что там горит?

— Горит!... Это ребята тополиный пух подожгли.

— Смениш топот, амбициозный свисток. И я думаю я что-то начинаю понимать.

— Генка,— говорю я, и что-то во мне начинает обрываться, ниточка за ниточкой, как будто я вышу над пропастью, а вокруг все рухнет одна за другой, одна за другой,— говорю я.— Где я, который час на твоих?

— Десять,— говорит Генка.— Еще рано...

— Не врешь,— говорю я.— Двадцать...

— Да, смотри ты.

И мы свернем часы.

— У тебя на два часа вперед,— говорит он.— Во, врут часики!

Нет,— говорю я.— Не врут.— Просто они идут по омыскому времени...

Я забыла... Я забыла их переставить! Я все забыла... Уходи...

— Но-но,— говорит он.

— А ну брысь отсюда.— говорю я и иду на него.

— Вот ненормальная,— отступает он.— Ну, спи, честное слово.

Он сокращается и идет прочь. Потом исчезает в темноте. Что же я надела! И тут во двор входит Медведева. А я? Я прячусь в телефонную будку. Все потеряно. Я целовалась первый раз, и мне было протрано, потому что я поторпалась, и теперь все ужасно...

Медведева выглядывает в темноту.

— Шоколадка... пооди сюда,— говорит он громко.

Тихина. Ну такая тихоня, что прямо тише не может быть.

— Шоколадка,— говорит он, и голос его печальный.— Сестричка моя завалила... Ты обманула первый раз в жизни...

Тихина.

Потом он закуривает и уходит со двора.

А у меня в голове дурацкая частушка звучит: Ты не гнишь, не ломайся, зелененькая тросточка... Дольше, милый, не женился... Жди меня, подросток...

Ты не гнишь, не ломайся, зеленая тросточка.

Я заплакала. Я опустилась на корточки в ночной телефонной будке и плакала так, как будто я и плула последний раз в жизни.

Медведева вытаскивает из сумки, и перед мной дном рождения призрает Медведева.

Вот звонок в дверь. Вот мама идет открывать. Вот он уходит. Я сижу на кухне тихо, как мышь, и не иду встречать. Вот он уходит в комнату, и у них начинается разрыв сердца. Мама, конечно, спрашивает его, женился ли он. Он отвечает, что нет, не женился и начинает долго рассказывать, почему он не женился и почему у него с Зоей не получилось ничего, и говорит всякие житейские вещи, которые, конечно, правдивые, но вовсе не относятся к делу. И потому, что все, что он говорит, чистая правда, это все вранье. Но потом он наконец обирает: — Ты врешь!

— Вы знаете, Вера Николаевна... все, что я говорю, это, конечно, правда, но не в этом деле, и потому это все вранье...

— А в чем дело?— спрашивает мама.

— А в том, что я влюбилась в него, и неплюсти умный и догадался, что все это вовсе не нужно... А знаете почему?

— Почему?

— Я тогда пришла к нему, и у нас с Зоей все уже было решено... Но перед тем, как пойти в свой домой, я дала формальное предложение, как говорим в старину, — перед тем, как пойти к вам во двор, где я должен был встретиться с Галкой, как мы говорились.

— Ну,— говорит мама.

— Ну что ну? Я пришла во двор и никого не застала... Галки там почему-то не оказалось... В общем, она мне не встретила...

И все...

— Легкомысленный ты все-таки человек,— говорит мама.

— Вот вернее,— говорит Медведева.— Но я идуть первый раз поила, что все это затряхивала школьная моя любовь — чистая глупость и больше ничего... Вот теперь все...

Потом они молчат. Это моя мама делает ему знаки, что, мол, я сижу на кухне, мол, иду, мол, он должен переменить тему. Значит, скоро пора вылезать из кухни и идти за дверью...

Но мне уже ничего не страшно.

— Прощай, сказка,— говорю я.— Действо окончилось... Наступает моя юность... Как она будет, я догадаться еще не могу, но действие закончилось. Потому что моя одна мечта исполнилась.

— Какую?— спрашивает я вдруг сказка.

Я поняла, что нельзя торопиться в неизвестную область...

— Вот что я тебе хочу сказать,— говорит сказка.— С нами, сказками, никто не снитается. Мы, конечно, мало видны, но зато мы искреннее... И вот что я тебе хочу сказать, Шоколадка... Запомни: счеши со сказкой вещь не кончен...

Я подминаюсь с табуретки и, шаркая ногами, бреду из кухни.

Пора здороваться с приехавшим издалека знакомым.

Здравствуй, корабль с крыльями из тополиного пуха!

Знаются в труде

Со стр. 8.

живает внимания опыт по воспитанию молодых рабочих, накопленный на Витебском заводе радиодеталей.

На этом предприятии, как и в других, из предприслани: как активнее коллектив, так активнее и каждый член данного коллектива,— разработаны строго продуманный комплекс мероприятий по вовлечению в социалистическое соревнование всех категорий молодежи. Вот как это выглядит на практике.

Начиная, впервые пришедший на завод после окончания школы или производственного-технического училища, включается в соревнование под девизом «Наряди дестула каверну». Наставник, называемый решением бюро цеховой комсомольской организации, помогает малоопытному товарищу разработать индивидуальные обязательства и, со своей стороны, дает руководство в том, что поможет научить так квалифицированного специалистом. Контроль за тем, как движется обучение, осуществляют комсомольские группы, причем предварительные итоги соревнования подводятся ежемесячно, а в конце года определяются, кто же из чередующихся новичков всего отдела освоили мастерства. О том, как благоприятно сказывается на заводском популении подобная внимательность, с достаточной яркостью свидетельствует хотя бы тот факт, что на предприятии остались считанные единицы, тоньше 17 месяцев работы, пока еще справляющихся со сменными заданиями.

Вот живой пример того, что дает новичку работа коллектива.

Двадцатипятилетний парень на заводе в 1969 году. Уже через два года она стала выполнять норму не менее чем на 140 процентов, а в ее личных обязательствах на нынешний год записано, что Рая собирается справиться с плановым заданием за девять месяцев.

Достижение нормы — переломный рубеж в жизни новичка. Он в достаточной мере освоился с производством, и сменное задание уже не кажется ему чуждо трудодисциплина. Но все дальше...

А дальше вот что. Теперь он может помериться силами с товарищами, приобщившись к движению «Передовые методы труда» — каждому молодому рабочему. Практически это выглядит так: победители соревнования «Норма доступна каждому», добившись выполнения сменных заданий на 125 и более процентов, берут шефство над теми, для кого такие результаты еще недоступны, и наглядно показывают им, как за счет передовых методов труда можно повысить рациональное использование и научно организованного труда на участке в перекрестках в атт. Заряде. Зарядные наставники и контролируют за ходом обучения, как и в первом случае, осуществляют цеховое бюро и первичная комсомольская организация. В настоящее время этой формой соревнования охвачено 293 молодых рабочих, над которыми шефствуют 192 наставника. Их число и Рая Любецкая.

Вот интересные возможности, заложенные в социалистическом соревновании, трудно переоценить, и когда комсомольская организация исполь-

зует их, удивимо и серьезно поддается в каждой инициативе, от этого оказывается в большом выигрыше дело коммунистического воспитания молодежи — одно из самых главных, самых важных дел, доверенных комсомолу партии.

Важное значение, сопряженное с себе трудовой накат с военно-патриотическим воспитанием, родилось, например, на Гомельском заводе сельскохозяйственного машиностроения. Здесь молодежные бригады зачисляются здесь на вечный комсомольский учет героев-земляков и выполняют за них производственные нормы. Эта инициатива, показавшаяся гражданам здешней, патриотизм и сознательность молодежи, получила горячую поддержку на многих предприятиях республики.

Организация социалистического соревнования ставит перед каждым комитетом комсомола очень много вопросов. От правильного, своевременного проведения работы зависит насколько результативным будет то или иное начинание, разгорится ли оно в полную силу или так и останется что теплящийся огнищем.

Союз комсомольской молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, организует, стимулирует, подает, делегатов 11 съезда комсомола Владимир Ильич Ленин. Без этого Владимира проявлять свою инициативу, свой почин комсомольской организации никогда не стане. Любому человеку творческой, боевостойкой, целеустремленной, а значит, не сможет выполнять функций ударной группы. Именно поэтому в комсомольских организациях, на наш взгляд, заслуживает внимание «в любой деревне, в любом городе» — ударное комсомольское бюро. Включившись в это движение, организации комсомола растут день ото дня — проявляют инициативу в самом важном для их предприятия деле. Что это за ударные дела? Именно в комсомольской организации имени Коминтерна — это внедрение станков с программным управлением. Для комсомольской организации имени Кускова — это создание автозавода — это добиться полной взаимозаменяемости членов бригады. Для комсомольской организации «Гомельская» — это ввод новых производственных мощностей, которые позволят дать комсомольскому хозяйству еще больше силосозорочных комбайнов «Вихрь», освоенных в комсомольской организации имени С. О. Притыцкого своим ударным методом названии практически все комсомольские организации. Они проводят суботники по ремонту станков в сельхозмашинах, механизмируют фермы, а главное — производят сверх плана 50 тысяч тонн минеральных удобрений. Это зависит от специфика предприятия ударные дела могут быть самыми разными, однако суть их одна: каждая комсомольская организация в третьем, решающем году пятилетия стремится с максимальной эффективностью проявить «свою инициативу, свой почин», чтобы с честью сдать экзамен на звание ударной группы.

Много значительных уже результатов на просторах нашей республики девятая пятилетка: освоено производство автозаводов грузоподъемностью 20 тонн, освоено производство 75-тонные МАЗы, запущены в производство электро-вычислительные машины, собранные по новейшим схемам, введен в действие первая очередь швейной фабрики. А сколько новых побед предстоит нынешний год! Для одних он третий, для других — четвертый или даже пятый год пятилетия. Это все зависит от решений год пятилетия, год ударного труда.

Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР Фото автора

Телеграмма: «Спасательное studio «Зенит». Петропавловск. Институт вулканологии... Вошли в зону облака вулканической пыли... Испытали резкую толчковую волну от северо-востока. Раднаним не обнаружено.»

Еще одна, срочная: «Дизель-электростанция, 22 июня 1972 г., на северо-западной оконечности острова Атласова резко начал увеличиваться столб темно-серого облака. Высота достигла 6 километров... Облако продолжает увеличиваться... Расстоянии 10 км слышны чувствительный слабый запах серы...»

В коридоре института — свежие фотографии, вырванные из местных газет. Первые облеты на самолете мало что прибавили. Черная пелловова туча пробилась облака над океаном и поднялась на высоту в 8 тысяч метров. Потом в один из облетов увидели, что лава стекает в море. Возможно, что извержение началось под водой или у границы «вода — берег». Все окутано облаками паров и пепла.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Аланд — необитаемый остров. Добраться из Петропавловска до его скалистых, трудных для высадки берегов удалось лишь на восьмой день с вулканологами. Базовый лагерь поставили правдующей группой под крутым склоном на узкой террасе, возвышающейся над полосой прибоа. Отсюда до места извержения три километра по воде или сильно расщеченному, крутосклонному берегу. Ближе нет пресной воды: окрестности засыпаны пеплом, и ручьи вымывают из него различные химические соединения. Пелловова туча доносит груз дробленой породы и сюда: пепел скрипит на зубах, забивается под одежду, в приборы и аппаратуру. Вода, из которого берем воду, тоже не блещет чистотой, но это уже черпимо. Перед нами тихая бухта, заросшая морской капустой. Бухта Отваги, хорошо защищенная от господствующих ветров. На соседнем мысу — лебечка спичная, в бухте плавают тюлени.

Отсюда не видно, что происходит на вулкане. Для наблюдений установили две палатки на берегу океана. Здесь все рядом: поток, грохот вулкана, тучи пепла, шум прибоа. Видно, как в клубках пара всплывают фонтаны лава. Редкие взары, происходящие в кратере шлакового конуса, выбрасывают камни так, что они летят и палаткам и даже в океан. Но все считают, что возможность пона-

даться достаточно мала. Открытый берег доступен всем ветрам, и одну из палаток, разрушенную штормовым порывом, пришлось снять, пока она не улетела в воду со всем содержимым.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Мы в необычном мире. Основной цвет в нем — серый. Тысячи оттенков серого — холодных и теплых. Радом — медленное, неотвратимое движение потока. В кратере — другие цвета: красный, лимонный, непрерывно пульсирующий. Над океаном — синее небо, солнце. Но это к нам не относится. Аланд заминусил в облаке, под ним мы и живем теперь. Сквозь туман свисает дождь, дует ветер. В Петропавловске предупреждали, что с пеплом трудно «сосуществовать» — нужны накладки, зонты. В этом вскоре убедились. Серая пустыня изрыта вулканическими бомбами. По краям воронки взрыва слой пепла до 25 метров; в обрывах на этой глубине остатки деревьев, росших до извержения. Вулкан выбрасывает все новые пелловова тучи. Пепел шуршит по палатке, по одежде. Мешаясь с дождем, превращается в грязь. Грязь заплеплет все. Дальше от вулкана слой пепла тоньше, изломанные и обожженные скелеты ольхового стланника, а на дальних холмах пробивается серая растительность. Кончится извержение, пройдут дожди, и она снова будет жить. Вулканические пеплы плодородны, и пустыня, образованная извержением, вскоре зарастет.

Маленькая палатка, в которой с трудом могут влезть четыре человека, пригнута к большому камню. Он частично закрывает от ветра, но пепел все равно проникает внутрь через лабиринт складок, пересыпается во всех щели.

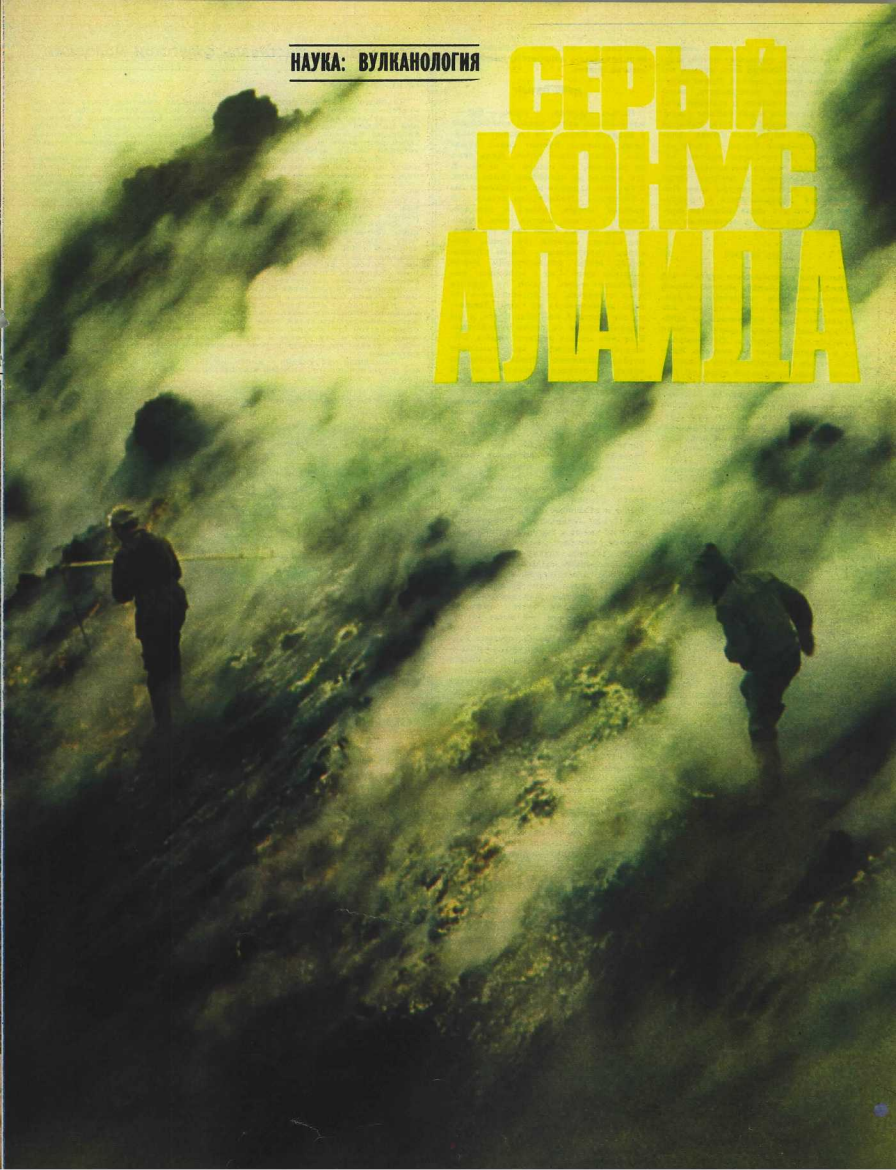
Весь день на ногах. Надо по всему присмотреться, чтобы не ошибиться в темноте. Сумерки съели пейзажи. Колебнулось небо, обманчивая на мгновение, как июль, полоса бордового заката и исчезла. Спрятанный в ночь поток замедляет, как город. Ветер относит пар и пеняет в сторону. Вулкан открылся. Всю ночь фототрифурен. Редкие взары сотрясают окрестности. Бомбы долго летят вверх, потом навстречу градом ударов большую площадку. В помете расклеванные камни остаются, и убедиться за их наличием невозможно.

Извержение Аланда началось грандиозным взрывом, выбросившим большой объем породы, больше по масштабу и опеске. Оно сопровож-

НАУКА: ВУЛКАНОЛОГИЯ

СЕРЫЙ КОНУС АЛАНДА

дается выделение большого количества воды. Пар, выходящий потоки, испаряются. Иногда весь туман исчезает за белой завесой. Парит окружающая вулкан поверхность, засыпанная не остывшим в глубине пеплом. Самым сложным работникам армборман мы менеем места, выбирая безопасную на первый взгляд площадку, возможно ближе к месту извержения. Дождя здесь работы, испортившаяся погода ни изменяющей ветер занегают в палатку. Тогда пытаемся послать два-три часа. Потом снова возвращаемся и обнаруживаем, что все на месте. Площадка изрыта еще не остывшим осколками лавы.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Началась своеобразная пурга — над землей летит пепел, мелкие камни. Разношерстные люди, нагруженные камнями, опрокинуто; она взлетела, как бушующий змей, опустился на вспененную поверхность моря и вскоре исчезла за горизонтом. Отосновившись в палатку. Дует ветер с северо-востока, который сопровождается шквалом, начавшимся дробленой породой. Пепел просачивается в щели, сыплется на плато, оседает на одежде. Вылетели мы из палатки и камнями придвинули края палатки снаружи. Все noch слушаем, как тугой ветер издавна разгоняется, набирает силу и вместе с песком и камнями обрушивается на наше убежище. Ткань с одной стороны сплывается, другая адвигается внутрь. Мокрая и грязная, она прижимается к нашим спинам. Под утро пошел дождь. Ветер так силен, что продувает воду через брезент. Металлическая лодка «казанка», привязанная к камню далеко от воды, все noch удерживался по берегу. Мотор залепило песком, он вышел из строя. После такой ночи мы стали пловцами работниками: завалили палатку, сложившиеся в кучу, чтобы дуло, и пошли в лагерь. «Казанку» двое проводят на веревке вдоль берега, двое идут по лавде. Двигаться тяжело, потому что лавда неустойчива. Она поруцая посухла легко опрокидывается и тут же будет затоплена. Сели четвером в лодку и стали отбивать мыс, держась под прикрытие камней. Ветер мнет солоные брызги, крутится, вспеивает воду. Шквал подхватил и понес нас на скалу. Чтобы не перевернуть, открываем лодку все четверо. Пока сбивался ветер, мы держались за валорос на камне, кое-как переждали и, не удаваясь от скалы, обогнули мыс. Шторы, арка и гротот остались позади. Мы слышно звать по логам: так тихо...

В лагере двести костер, дежурные готовят ужин. Идиллию опрокинула взрыв вулкана. Черное облако полетело над горой, превратилось в тучу, посыпался пепел. Вскоре «смылись», — такой взрыв опасен на большом расстоянии.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ночь у вулкана. Здесь много извержений. Поток лавы, выходящий площадку, продвинулся в океан. Свежие бомбы — всюду, где мы ходили, рядом с палаткой появилось несколько воронок. Состояние наше как около анимы замедленного действия, — взрывает, но неизвестно когда. Конечно, можно не подходить и уходить. Тогда здесь, на берегу, в сторону вулкана, обращенном к вершине Аланда, разразился широкий кратер, издается новый поток лавы. Часть откатывается в сторону вулкана, основная масса завернула к морю. Все в движении, все переставляется. Площадка у лодки конуса, отступившая от фотографировки, сдвинулась, раскиснела. Очевидно, из глубины к прорыву перелезается лава.

Копелла настолько сильна, что не могла своим аппаратом, поставленным на штатив.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Ночью — дождь, утром — бус — мельчайшие капли воды, взвешенные в воздухе. Пляжи не спасают — мокнешь насиков. Вулкан ширит туманом, туманом, туманом. День лавы не рабочий, все пошло в лагерь. В сакн метрах их поглотила серая мгла. В сакну надежде на прояснение мы с Гейриком и Гейриком остаемся. В лагере море, грязно и холодно. Сидим у потока, иногда слюма у громады, теплых глыб лавы. На горячих камнях кипят чай, греем ноги, делаем прохладительные напитки из вымоченных фруктов. Менью разнообразно иррой морских ежей — их в изобилии вылавливает океан. Где-то по фронту лавы стрекотала сорпентина и тевер — вылачивается на пляж. Демонстрирует она быстрее, чем вес потока, и мы перемещаемся со своим хозяйством. В разных местах рушатся глыбы. Обнажаются сплывающие арко-лиммонные потоки, постепенно аркоидно, пролодит через все оттенки красного и лишь в трехчасов донко сияет и пышет жаром. Вечером дождь, ветер, туман, туман. Скорость движения оказалась метр в час, в отдельных местах больше. Когда рушатся раскисленные глыбы, они летят не сдувая, а как нет уругроты камня, падают, они словно глатано звук, зато оставшие летят далеко и со звоном.

Иногда лава, едва прикрытая остатками морской, выдвигается, как тесно, осылая ручеи раскисленной пыли, и обваливается мягкими кусками. Туман утолтился. Перспектива арет на выдохе шату. Смертвенно меляются, мерцают надоснаженными форм. Сирли, глуше удары, звон битой черепицы, вздох и шорохи — словно глотает изобильно сыплет. Мы слышим свое: все фронтом пар, свист, шипение. А жар идет, испускается, грочет, летит горящими фонтаном. Но это так, — шум. Из тумана возмужал ослепший и тощий — тоже призрак. Осторожно подбираю с телеобъективом — поспинаем. Извел четкую пленку, я пошел вперед, чтобы не сдуло, и биваю: все нес в реальном — мигает еду, греется и сдуится у горячих камней. Выдала ему стуженного молока, остаток консерва. Хлеба не пожелал, зато утащил противоядия и нустую иркуру. Пришлось все прятать. Мы были яны на высоте положения: лич посчитан нас чем-то вроде приключений детей. Жизнь в лагере подергивающемся животные.

В нескольких метрах от потока лавы — рывки, утки, летают чихи. Водоросли с потоком, холодно. Раскисленная порода вызывает бурное всплывание, даже взрывы, обустает с поверхностью, и дальнейшая отдача тепла происходит медленно, так как теплопроводность камня очень мала.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

В извержении затихло: с 1 часа ночи до следующего вечера ни одного взрыва. Происходит интенсивные выбросы пепла. С шорохом, вращаясь в воздухе, оседают, раскисленная беззвучно взлетающими красными бомбами, вырастает пульсирующая туча. Ослепляющая пепел черная шлейфовая тянется вдоль берега.

К вечеру небо поднялось, открылся шланговой конус, соседние возвышения. Лавы вершина Аланда в облаках, в сторону вулкана, раскисленный кратер мид непрерывно, но они скрыты клубами пара. Далеко облодены конус — безопаснее и легче идти, чтобы подходить и входить, обриваемся кратером. Через них такое вылетает лава. Сильно туман — слышишь.

Всероссийский фестиваль советской молодежи

ПО ПЕРВОЧЕТКА

На карте эстонской поэзии Эстония занимает заметное место. Шолой мастера стало творчество Юхана Линне и пришедших вслед за ним Ветти Альвер, Августу Сангу, Керсти Меринаас. Большую роль в советской поэзии с народной поэзией играли сегодня Ван Кроос, Элиен Нейт, Владимир Базинан, Мате Тралт — те, кто широко известен за пределами своей республики и в творчестве которых уже стало неотъемлемой и необходимой частью все многонациональной советской поэзии.

Свобода формы современной эстонской поэзии продвинула прежде всего иррентуя связь актуального содержания с особенностями устной народной поэзии. Влияние фольклора на творчество молодых мы видим не только в прямом обращении к старинным песням, но и в сюжетах, формах, в построении и инструментальности стихов. Стихи молодых, но уже утвердившейся насильно нинг Вийли Луик прозрачны и многоцветны, как зрелищные «антракты», настроения и чувства. Ей понятны слова простых полевых цветов — «их только сердце слышит».

Стихи Паулус-Эриена Руммо наполнены сосредоточенным размышлением, точнее сказать, осмыслением происходящего в себе и вокруг. Поэт, верою историческую связь отдаленные и глубокие содержания человеческого души, Паулус-Эриен Руммо наделен счастливой способностью быть современным и силой своего дарования возмещать личное до общего, частное — до общественного. Наши читатели могли быть знакомы с его недавним сборником стихов «Возвращение в страну». Вскоре мы в полной мере сможем оценить творчество этого поэта — Таллинн выведет нинге его стихотворений в переводах С. Семеновича, Валериана Луичева из нинг Паулус-Эриена Руммо. Современный, темпераментный и лавный поэт — один из молодых эстонской поэзии — Ариен Сиига. Яркая образность и метафоричность делают его стихи, тема Родины и родной земли — одна из главных особенностей его поэзии. Ариен Сииг — один из тех, кто ирренту стонт на земле, знает эту землю и труд земледельца; и именно «земные свойства» сделали его поэзию широко известной и популярной среди эстонских читателей.

Постоящая публикация — малая, но весьма характерная частота молодого эстонской поэзии, активно ищущей, шагающей в ногу с многонациональной поэзией страны.

Петр ВЕГНИН

“ЛЮБЬ, ЧИСТЫЙ...”

Вийли ЛУИК

СТАРЫЙ ГОРОД

Смие дома пошло на дождь.
Безле дома — как ранняя зима.

Дом из плитки — подобие кладбища без крестов.

Внутренний замшевый двор, что колодец без воды.

Потемневшие деревья достают до облаков.

Курсы указывают флюгеру, на верту зарытые глаза.

Серьезно смотрит на меня цветущая на равнине. Его простой язык понизит мне.

Понимаю древний язык мастеровых, тихо говорящих цветом. Их только сердце слышит.

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Пахнет тавога, и лютик, и тавога. Позднее лето, позднее лето.

Красная гроздь на рябине, и роще основой вереск.

Этого лета больше не будет, и лето не будет этого лета...

Потемневшие деревья достают до облаков.

Курсы указывают флюгеру, на верту зарытые глаза.

Серьезно смотрит на меня цветущая на равнине. Его простой язык понизит мне.

Понимаю древний язык мастеровых, тихо говорящих цветом. Их только сердце слышит.

пора

о все ступени нового комплекса ГТО входит туристский поход с проверкой туристских навыков и умения ориентироваться на местности. Этот норматив, пожалуй, самое интересное новшество, своеобразный сводный экзамен по всей программе: в походе проверяются не только сила, выносливость, ловкость, но и чисто человеческие качества — взаимопомощь, спаянность, коллективизм.

Юноши и девушки 16—18 лет должны отправиться в поход на 20—25 километров или в два похода по 12—15 километров (меньшая цифра — на серебряный значок, большая — на золотой). Таков норматив 3-й ступени ГТО «Сила и мужество». Мужчины и женщины 19—29 лет, сдающие норматив 4-й ступени «Физическое совершенство», участвуют в походе на 25—30 километров или в двух походах по 15—20 километров.

Прежде чем отправиться в поход, тщательно изучите район будущего путешествия по литературе и картам,

ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ

Александр МОРОЗОВСКИЙ, инструктор по туризму

Фото Евгения ВАДИНОВА и Виктора САЙКА

чтобы разработать маршрут как можно подробнее и точнее.

Туристский поход — это не только нормы ГТО, но и очень полезный и интересный вид отдыха. Поэтому руководитель похода должен предоставлять как можно больше самостоятельности всем участникам. Сначала определяете цель похода — ведь однообразное вышивание или спортивный никому не нужно и быстро приедается. Целью похода, кроме сдачи спортивных нормативов, может быть посещение музеев и исторических мест, исследование местности и т. д. Составляете план и схему похода, определяете сложные участки пути и способы их преодоления, предусматриваете запасной вариант маршрута. Запланированное путешествие следует оформить в комитете физкультуры или в местном совете по туризму. Там вы получите маршрутный лист (путевку) или маршрутную книжку. Эти документы являются основанием для зачета спортивных нормативов.

Участники в группе могут быть от 4 до 12, а лучше всего 10—12. При таком количестве легко распределить груз и обязанности, найти удобное место для стоянки, использовать при необходимости попутный транспорт. Перед походом все должны пройти медосмотр. Для многодневных походов по некоторым районам необходимо заранее сделать прививки.

6. Заблаговременно и очень тщательно организуйте подготовку необходимой амуниции. НЕ ПЛОХОЙ ПОГОДЬЕ, ЕСТЬ ПЛОХОЕ СНАРЖЕНИЕ. Лишнее брать не надо — нести ведь придется на своих плечах, но каждый участник должен иметь все необходимое и в отличном состоянии.

ОСОБОЕ внимание следует уделить ОБУВИ. Потерястость — самая рас-

пространная болезнь в походе. На ногу надевают нитяной носок, затем шерстяной и снова нитяной. Надевают аккуратно, чтобы не было складок, иначе натрете ногу. Затем надейте ботинки с мягкой стелькой. Ботинки должны быть точно по ноге или в крайнем случае чуть свободнее, но ни в коем случае не тесные, иначе водляры неизбежны.

У каждого туриста должен быть топор. Топором в походе выполняют все работы: заготавливают дрова и лапник, забивают колышки для палатки и мостовדרך. Турист без топора, как солдат без оружия; и сам ничего не сделает и товарищу не поможет. Кроме маленьких походных топориков, нужно на каждые 5—6 человек иметь один большой плотный топор. Перед походом топоры следует наточить и прочно закрепить на ручке, так как в походных условиях это сделать непросто.

Не менее тщательно нужно заготавливать для похода продукты, ибо, как гласит небылозаучная, но точная поговорка: НЕ ПОЛОПАЕШЬ — НЕ ПОТОПАЕШЬ. Питание в походе должно быть регулярным, сытным и недорогим. Некоторым подспорьем могут быть ягоды, грибы, рыба, но не следует эти дары природы планировать, так они не всегда встречаются по пути, да не всегда есть возможность их собирать.

Сначала составьте меню на все дни похода (в многодневном походе на первые 3—5 дней). Потом подсчитайте, сколько нужно продуктов. Первые блюда удобно делать из концентратов, на завтрак и ужин — уха из рыбы, закладки и выходы.

Для приготовления вторых блюд исходите из следующих норм на 10 человек (это и в съедят и на 12 хватит).

1. Манная, рожня, лапша, рис, пшено, гречка	800 граммов
2. Макароны, крупя, вермишель	600 граммов
3. Крупа гречневая	3—4 килограмма
4. Мясная тушенка	400—600 граммов
5. Селеддь ясная	400—600 граммов
6. Стуженное молоко	600—800 граммов
Для третьих блюд нормы закладки следующие (на 10 человек со средними плотностями):	
1. Кисель (концентрат)	400—800 граммов
2. Йогурт из сухомолочных	400—500 граммов
3. Сметана	1 килограмм
4. Какао, кофе	1 маленькая пачка
Еще нужно иметь в день на 10 человек 6—8 килограммов хлеба и 1—1,5 килограмма сахара.	

Исходя из этих норм, составьте список продуктов и распределите между участниками, кто что должен купить. Для многодневного похода продукты закупаются на первые 3—5 дней, остальные приобретаются в дороге. Примерная стоимость продуктов — полтора рубля в день на человека, а вес — около 1 килограмма. В первую очередь расходуется скоропортящиеся продукты, то есть и в тачной упаковке (например, в стеклянных банках). Кстати, такие продукты без нужды в поход брать не следует.

Для переноски груза НУЖНО иметь хороший туристский РЮКЗАК, его обычно называют «бабушкинским». Под лямки подшейте войлок, чтобы их ширина была 6—7 сантиметра. Все тяжелые вещи кладите на дно рюкзака, легкие — сверху, мягкие — к спине. В наружные карманы положите то, что чаще всего требуется в пути. Рюкзак загрузите как можно плотнее. В первую очередь заполняйте яйца. Каждый вечер в рюкзаке всегда должна лежать в одном и том же месте, чтобы ее можно было легко найти даже в темноте. Для женщин вес рюкзака с грузом не должен превышать 20 килограмма, для мужчин — 32 килограмма; для девушек и юношей 16—18 лет соответственно 10 и 16 килограммов. Практически это значит, что личное снаряжение и продукты все несут примерно поровну, а групповое — только женщины (палатки, ведра и т. п.) — только мужчины.

Перед многодневным походом следите за здоровьем, заготовьте дрова, носите воду, ставьте палатки, мыть посуду, оказывать первую медицинскую помощь. Работа и поведение каждого отражаются на всем коллективе.

Не забывайте о правильной организации переходов и привалов. Привалы на 10—15 минут устраиваются через каждые 30 минут ходьбы, кроме первого привала, который делается через 10—15 минут; на этом

привале нужно устранить все, что мешало при ходьбе: снять лишнюю одежду, поправить обувь, подтянуть или ослабить лямки рюкзаков и т. д. Время переходов и привалов следует корректировать в зависимости от условий похода. Например, при подъеме в гору привалы делайте через 20—25 минут; кроме того, через 5—10 минут нужны кратковременные остановки на 1—2 минуты, чтобы перемотать дышник, не снимая рюкзаков.

Чтобы во время перехода группа шла плотно, на растягивающих, нужно соблюдать определенный порядок: впереди идет руководитель похода, за ним женщины и слабые участники, последним идет самый сильный и опытный турист — замыкающий. Он следит, чтобы никто не отстал, а при длительной задержке одного из участников должен остановить группу. Соблюдение такого порядка при переходе не рьяности, а необходимости. Нарушение дисциплины приводит к тому, что запланированный переход группы пройдет медленнее, а в уставит все больше, чем следовало бы. Особенно много неприятностей доставляют в походе ляхи, которые самовольно уходят от группы, лезут в опасные места, а ведь они рискуют не только собой. Травма хотя бы одного участника означает, что вся группа сойдет с маршрута, чтобы доставить пострадавшего в больницу, или в лучшем случае надолго задержит.

Когда пройдено 60—70 процентов запланированного дневного перехода, делайте большой привал для отдыха и закладки. Это привал устраивают в наиболее жаркое время дня на 2—3 часа, желательно вблизи водоема. На ночлег следует останавливаться засветло, чтобы разбить бивер до наступления темноты. Место для ночлега должно быть сухое, с достаточным количеством топлива и питьевой воды. Палатки устанавливайте на возвышенных местах, чтобы в случае непогоды их не залило дождем.

Ну, а в заключение нам остается пожелать вам доброго пути. Не сомневайтесь, что ночники бивера до похода все прелести туристского похода, но ограничатся сдачей нормативов комитету ГТО и превратятся в заветный сувенир. Все мы так мечтаем, а теперь уже нет сил, способной заставить нас сидеть дома.

Ротационные машины печатали лист за листом 9-й том Большой Советской Энциклопедии. В этот том — впервые в энциклопедии — была включена заметка о Леониде Енгбарове, в которой приводились основные факты биографии артиста: родился в 1935 году, окончил Государственное училище циркового и эстрадного искусства в 1959 году, на пражском конкурсе клоунов в 1964 году был признан лучшим клоуном Европы. В 1971 году удостоен звания народного артиста Армянской ССР.

Лист за листом печатали ротационные машины 25 июля 1972 года 9-й том. Леонид Енгбаров входил в энциклопедию...

Именно 25 июля 1972 года, именно в этот день, вечером, Леонид Енгбаров крикнул: «Мама, у меня все горит в груди, помоги мне!» Через 4 часа он умер...

Эта беседа состоялась за месяц до его смерти. Я решил не менять в ней ни одного слова. Хотя, конечно, теперь по-другому смотришь на свои же вопросы, иначе понимаешь смысл ответов, жалеешь о том, что не спросил еще о многом.

Истинный художник, объединяющий все искусство, никогда не удовлетворяет собой и старается идти все дальше.

Людвиг Ван Бетховен

Лауреат международных конкурсов, народный артист Армянской ССР, клоун, пантомимист, способный рассмешишь миллионы зрителей, артист, который ежевечерне, в воскресенье и праздничные дни трижды в день, австралийский зритель, пришедший на представление в Московский, Ленинградский, Ереванский, Минский, Пражский, Варшавский цирки (их можно перечислять сколь угодно долго), — как он, этот человек?

Я знаю — теперь уже знал — его 13 лет, — первое выступление Енгбарова на арене учебного цирка, в зале, вмещающем не более двухсот зрителей. И был свидетелем его триумфа на московском стадионе в Лужниках, когда ему аплодировали десятки тысяч человек одновременно.

Мне довелось видеть Леонида Енгбарова упоенным успехом, радующимся автографы почтателей и буквально через полчаса после этого растрепанным залом, когда ни один человек не мог заставить его сказать хоть слово. Но интереснее всего было наблюдать Леонида за несколько секунд до выхода на арену. Тогда он до неузнаваемости преображался на глазах. А вечером усталое лицо темнело, всегда темнело, а дом, где его ждала мать.

Мне кажется, я знаю его хорошо. Но написать о нем так, чтобы его узнали и вы, трудно. Трудно, ибо трудно было бы начать писать о Леониде Енгбарове в работе, успевающего делать двадцать дел: писать новеллы, договариваться о встрече со зрителями, готовить новые пантомимы, заниматься разработкой реквизита и костюмов для очередного спектакля, хлопотать за молодого артиста, доставать только что изданные книги, спешить на просмотр в цирковое училище, сниматься в фильме, записы-

ваться на телевидении или на радио, и так далее, и так далее...

И я решил: пусть Леонид Енгбаров сам расскажет о Леониде Енгбарове. А я ставлю себя в положение человека, не знающего этого артиста, что позволит порой задавать ему вопросы, ответы на которые мне хорошо известны.

О клоунах сказано немало. Грустный клоун предстает перед нами в рассказах Кутурява, нервный клоун — в романе Генриха Беля, страшный клоун — в кинопроизведениях Феллини.

А как Леонид Енгбаров?

— Как возмужало у нас желание слышать людей? Почему мы выбрали для себя более распространенной профессией?

— Если бы я вас не знал, то обиделся бы, услышав такой вопрос. В нем какое-то пренебрежение к моей профессии, подвигает: мол, ничего лутного не вышло, так в клоуны подался. Но постарайтесь ответить серьезно, тем более что мне нередко задают вопросы именно в такой форме.

Расскажи о себе всегда надо начинать с родителей. Это только в анкетках у родителей сообщают в последнюю очередь. А ведь в реальной жизни мы им обязаны всем.

Мои отец и мать никакого отношения к искусству не имели. Отец был знаменитым поваром. В последние годы он работал в ресторанах «Армения» и «Метрополь». А мама у меня портниха, сейчас на пенсии. Тем не менее мой старший брат, Михаил, хорошо рисует, чертит, Рачи, известный театральный режиссер, писатель, председатель Армянского театрального общества. А младший, то есть я, до сих пор не может определить, кто он.

— То есть как «не может определить»?

— Очень просто. Я похож на Тома Сойера: мне всегда нравится то, чем занимаюсь другие.

В юности мне нравился спорт. Я увлекался боксом, стал мастером спорта. Потом заравился цирком... Мне кажется, что человек всегда мечтает добиться именно того, чего у него нет. Не-

даром говорит, что каждый комик мечтает сыграть Гамлета. Когда я был маленьким, я отличался от всех в семье полным отсутствием чувства юмора, что, наверное, сказалось при выборе учебного заведения после окончания школы — училища циркового и эстрадного искусства. Это, как считали мои сверстники, было не смешно. Но после долгих размышлений я решил, что это именно для меня. Что привлекало? Может быть, надежда развить чувство юмора. А если серьезно — почти безграничные возможности цирка. Я стал клоуном. Но вот тогда мне захотелось сниматься в кино. Я снялся в шести картинах. Потом пришла другая страсть — начал писать. Более пятидесяти рассказов опубликовано. Не так давно в Армении вышла моя книжка, моя первая книжка — перевод с русского на армянский. А только что я получил сигнальный экземпляр нового сборника рассказов — «Первый раунд», уже на русском языке. И пишу я на русском, ибо родился и вырос в Москве, в Марьиной роще. Отец у меня армянин, а мама русская. И дома на армянском языке отец говорил только с гостями из Еревана и с родственниками. В свое время я серьезно занимался армянским и научился на этом языке объясняться в любви, ругаться и с другом читать рецензии на мои выступления в армянских газетках.

Кажется бы, все желания исполнились, но нет, теперь и мечтаю о театре. О театре, где я сам бы сыграл Хлестакова. Мне говорит, что я стар для Хлестакова. Тогда выдвигаю другое предложение: дайте роль Сырину в пьесе Громова. Мне кажется, я сыграю эту роль. Ничего не отвечает мне отказом, однако и не говорит «да». Но я уверен, что и это будет. Я счастливый человек — исполняются все мои желания, равно или поздно, но исполняются.

Сейчас я занят, как мне думается, самым главным делом своей жизни. Вместе с режиссером и моим другом Юрием Воеводем по моему сценарию мы создали спектакль «Причуды кло-

то преследовал этот вопрос о Жаклин? Не считали же они меня виновным в ее исчезновении. Чуть какал-то... Но за мной сейчас, несомненно, будут присматривать. Путь! В Луосоне мне пока ничто не грозит...

Но я ошибся. Вечером от нечего делать я отправился «отдыхать» в один из двух луосоновских салунов. Я выбрал второзрядный — впервые, потому, что в «Мекени» уже был, а второзряд, потому, что не хотелось встречаться со Стивом Кюдбори: вероятно, новый генеральный директор рудника выбирает для своих развлечений более аристократические притоны. И я опять ошибся.

Но об этом потом. Салуны встретил меня воем электроджаза, пыльным гаджетом за столиками, клубами дыма у потолка и полированной стойкой бара, по которой можно было гонять кружки с пивом, как чехельские шары. Я присмотрелся к ней, поймал полную кружку и оглянулся на молча сосущего пиво соседа.

— Айт? — спросил я.
 Но мне обернулось обрешенное русой бородой лицо моего недавнего знакомого, «первака» из бара центрального космопорта. Он не сразу узнал меня: в своем живописном мундире пилота я мало походил на проломанную, пороксалурующего через стойку, чтобы ударить от проверки.

— Значит, не спалши? — улыбнулся он.

Я свистнул.

— Не от таких уходи.

— А теперь кто ты?

— Космик. Вожу вашу богатую домой.

— Бруски?

— Ага.

— Будь они прокляты! Сбежал бы, да некуда.

— А ведь говорил: не все ли равно, что в скафандрах. Дышать дают, заправку тоже.

— Дают. Контракт на пять лет, а ты уже через год нивалил.

Я задумался. Кажется, открывался рычаг воображаемого мной механизма.

— Говоришь, сбежал бы, да некуда. А вдрюг есть куда?

— Может, с собой возьмешь? Спрячешь в машину?

— Приземлимся на военном космодроме. Только сидем — схватят.

— Так куда же бежать? Кругом пустыня. Зубучка да камень.

— А за пустыней?

— В зону Содружества?

— А что тебе их бояться? Думаешь, местные слабые?

— Не думаю... А как сбегшишь? Ножами? На второй день свалишься. Да и в баллонах сжатого воздуха часов на восемь, не больше. Нужна машина, Хабб. А где ее раздобудешь?

Я огляделся по сторонам и сказала, понизив голос до шепота:

— Подумаем. У меня здесь, между прочим, тоже не рай. Тсс...

Я предугадал ответ Айка. К нам подходил Стив Кюдбори в кожаном пиджаке с дубин-

кой у пояса. С такими же эластичными, шокowymi дубинками шагали позади троих его телохранителей — ражне парни, косаи саженъ в плачах.

— Привет блудному сыну, — усмехнулся он нагло, — в честь возвращения признажу, пожалуй, закарать барашка.

— Не фиглярничай, — сказал я. — Противно. Он присел воле меня у стойки. Телохранители стали свад.

— Притино? — повторил он с надеждой. — А как мне было притино слушать Жаклин.

— О чем же? — спросил я невинно.

— О воле в овечьей шкуре. Она тебе никогда не верила. Только здесь молчала.

Я оглянулся. Телохранители выстроились угрожающим веером. Айт куда-то исчез. Вероятно, не захотел связываться с директором. Что ж, не-человечески это понахито.

Я решил отбиваться, пока есть время.

— Вред собачий. Кто поверит психованной бабей? Даше Уоррен не верал.

— Я поверил.

— К састымо, ты не веселил.

— Достаточно силен, чтобы проучить тебя здесь и ответить на зубучку.

— Не рискнешь. Я еще нужен Уоррену.

— А что он узнает? О пыльной драке в салу-

не, где не слишком уважают законы?

— Есть свидетели — зал полон.

— Кто же них рискнет пойти против меня в открытую? Тебе конец... Я только свистну...

Но свистнуть он не успел. Я ебил его одним ударом с табурета, успев стать к стойке спиной.

Манивр был современным, потому что они из телохранителей тогда же ринулись на меня, как таран. Я отбросил его ногой. Но парировать дубинку второго не успел — только отклонился

Рисунок Геннадия НОВОКИПОВА

чуть-чуть над, что удар пришелся в плечо. Укол электрода основан нежно, в глазах потемнело, зашумела я уже не мог — только обхватила голову руками, чтобы смягчить еще удар. Но удара не последовало: кто-то отшвырнул охранника с чужой силой, что тот опрокинул в наденные соседний стул. Я подлился, собралась, что и меня появились союзники. И не ошибся.

Десятка полтора заведуета сапуна, сидевших в зале — в думу я и сумел сосчитать точно, — буквально навалились на банду Дикого, оборужая и выловив каждого подсмоком. В пять минут все было кончено. Стуву пленуци в чью-то в лицо, от чего он буквально звыл, стоя на коленях и протирая кулаками глаза. Так его, «колесопроколоченного», вывели за дверь, выбросива велед и его растерявших дубинки охранников. Я даже не успел поблагодарить незнакомых избавителей — они тут же расшпилились к столпам в зале, вернуто, заняв прежние свои места. Возле меня остался только Аик и рослый белокрылый малыш со шрамом на лице и пудовыми кулачками, которые, как оказалось, и отшвырнули парня с дубинкой.

— А думая, что ты смыслил, — сказала я Айку.

— Смыслил, чтобы людей собрать. Сразу учуд, чем хахлет.

— Мы дружен не бросаем, — вступил в разговор парень со шрамом.

— Род Маллори, — представил его Аик, — мы с ним бок о бок в карьере работали.

— Сейчас я на обогатительной, — пояснил Род, — зову Айка напарником, а он не идет.

Я мгновенно очу ситуацию. Именно на обогатительной мне и требовались помощники.

— Соглашайся, Аик, не прогадалься. К воскресенье чтобы ты уже был на обогатительной. Кто там у вас контролером на пост?

— Индик Гини, — сказал Род.

Индик — это имя?

— Нет, кличка. Такой же надутый и жадный. До денег?

— Еще как!

— Подходи, — сказал я, не объясняя ребятах, что я еду туда: поеду позже. — Значит, до воскресенья здесь же. А сейчас расходиться, пока Стив не вернулся.

— Он не вернется. В случаях своих законы, и не ему их отменять.

- Подстеречь в карьере.
- Подстержи лагушку на болото, — усмехнулся Аик. — Все зеленые, все в скафандре. Но меня могли подстеречь у отела. Поштоку я приехал на сапуну направился в платосовой зал. Все уже спали, и заставный дежурный в гараже долго разгадывал мой пилотский жест, прежде чем завести машину. Но, прозвонившись, явел ее без промедления и ядов не получил пропущенные инспеки и жалко.
- Энергии хватат? До СВК-да?
- Это пустыню пройдет в любом направлении. А на СВК-да ставте кура 114 и спите спокойно, — уснул он.

К утру я уже шлозовался у купола СВК-да. Служба безопасности, несомненно, была осведомлена о моем прибытии, и потому, не играя в прятки, я публично заказал по видео номер в отеле, добавив, что выезжаю немедленно. Пусть присылают наблюдателей. Сам же пошел к открывшимся явкам, нашел журнальный и, как и предполагал, сразу увидел Линнет. Она деловито развешивала по стендам журналы в пестрых обложках.

— Надеюсь, мы уже не придется вспоминать о старых номерах «Новостей», — спросил я, не здороваясь.

Линнет не удивилась.

— Приехал за деньгами?

— Откуда ты знаешь?

— Догадалась. О твоих заданих мне известно. Для этого нужны люди и деньги. Людей ты найдешь сам или уже нашел на месте, а за деньгами приехал по мне. Я даже снажу, сколько тебе нужно.

— Пять тысяч.

— Возми десять.

— Вы шельма, мой милый.

— Не я, Чабби. Первый. Когда ты хочешь иди получишь.

— Сейчас.

— В отеле?

— Нет. В отель я не поеду. Опасно: могут следить.

— А где же передать деньги?

— Выезжаю на электреле немедленно, но со скоростью черепашки. Договориш в дороге.

Пакет с деньгами был вручен мне на пятидесятом километре от СВК-да.

Глава двадцать третья, в которой Лайк переигрывает Уоррена и выполнит задание Центра

Линнет не переборщила с деньгами: десяти тысяч хватило на обрел. Индик загрозил шесть, да по две пришлось обещать шлозовым механикам, выпускающим и выпускающим металл с обогатительной фабрики. Мой механизм должен был действовать так: за одну-две минуты до полюдия, когда работа прекращалась на обеденный перерыв, Индик выпустит на транспорте один брусек за пределы купола в сопровождении Айка и Рода. Транспортер тут же выключается, и брусек мгновенно перегружают на озадающий у шлозового выхода электреле. Я включаю управление, и мы со своей добычей уходим в пустыню. А время работает на нас: сигналы тревоги и обведенного персонала анализируют, надсмотрщики прохладжаются в баре, гараж закрят, и мы выигрываем у погоны не меньше ста километров.

План был прост и рассчитан на многозначность и согласованность действий. Самым уязвимым его местом был электреле. Требовался бронированный, чтобы преодолеть от обстрела из дальноточных пулеметов погоны, а единственный бронированный электреле в Лоусоне принадлежал Уоррену. Любуй ценой я должен был получить его, обеспечить свободу действий после этого по крайней мере в течение часа. Но как?

Подумать подсказ Уоррена на произнесенном приказании о выдате машины? К сожалению, у меня не было под рукой человека, способного сделать это с достаточной точностью. Да и Уоррену самому мог потребоваться электреле именно в это время. Убить его? Нет! В служебном кабинете, куда каждую минуту мог заглянуть любой из его подчиненных? Бред. Удобнее всего было выманить его в пустыню на той же машине, испортив ножом скафандр и выбросив тело задохнувшегося в здешней атмосфере где-нибудь по дороге на космодор. Но такая операция потребовала бы точно рассчитанной и длительной подготовки, а в моем распоряжении не было и полных суток. Можно временно вывести из строя Уоррена — у меня имелись ампулы с нервно-паралитическим газом и сигареты, поружающие в сон с одной затяжкой, но на данный момент я могу получить у него необходимое мне распоряжение о выдате электреля? И тут я вспомнил о булавке Жаклин.

Впоследствии Дибтин назвал мой план чистейшей водой авантюрой, непростительной для разведчика, обязанного действовать только на веревках. Я же рисковал отчаянно и безрассудно, надеясь лишь на сопутствующую мне удачу, решительность и выносливость манера и скрытую под маской аффективного повелевателя обыкновенную человеческую трусость. С таким вызовом я и шел к Уоррену примерно за час до начала операции на обогатительной фабрике. Уоррен принял меня сдержанно и чуть-чуть удивленно.

— Соскучились по работе, Лайк?

Я решил не тянуть время.

У меня неотложный и важный разговор. Кстати, важный не только для меня, но и для вас. Поэтому дайте световой сигнал на дверях, чтобы вас не беспокоили. — Я посмотрел на часы. — Сейчас десять минут двенадцатого. Скажем, до часу.

— Я не предвижу разговор такой длительности. Даже в пять, Лайк, — сказал Уоррен.

Разговор будет коротким. — Я подошел ближе. — Не волнуйтесь, вы в одиночестве.

— Вы, кажется, угрожаете, Лайк?

— Не буду обманывать, да.

Я тут же извлек из нагрудного карманчика специальный тубчик, добытый у Жаклин, и вынул булавку.

— Узнаете?

— Булавка Жаклин. — Толстые губы Уоррена побелели. — Откуда у вас она?

Профессиональный секрет. — Я протянул заплюнутой булавкой. — Так вам никакмо действие пренарат? Рук! — крикнул я, когда Уоррен потянулся к сигнальной клавиатуре. — Сидеть смирно. Вот так. Мне даже не понадобится оправдание, когда вас, паралитизованного, найдут в тресе. Любуй из ваших врачей поставят олин и тот же диагноз — инсульт. Вы же гипертоник, по комплекции видно.

— Вы чьясь переиграли, меня, Лайк, — оцепенело проговорил Уоррен. — Но я не могу. В моем положении это абсурд. Итак, что вам требуется?

— Небольшая услуга, значительно дешевле вашей. — Я указал на тубчик. — Прежде чем вы наберете сигнал о том, чтобы вас не беспокоили. До часу. Только никаких тревог и прочих фокусов.

Уоррен покорно набрал на клавиатуре требуемый сигнал.

— Теперь предписание о немедленном предоставлении мне вашего электреля на неограниченный срок.

— Решили бежать?

— В зону Содружества?

— Поразительная догадливость. Дитятей.

И снова покорно подчинился Уоррен, выдав мне с клавиатуры требуемое предписание.

— Что еще?

— Пустяк. Крошечная штучка, которая продержит вас в состоянии неподвижности, — я взглянул на часы, — час сорок минут.

отлежаться в госпитале, прибавшаяся от старости слабость, которая все-таки доводила меня, должно быть, на-за плохой пропитки сафлара.

И вот я прибыл домой, как говорится, к шпачиному рабурю. Кто же я узнаю, прочту ли угасший и Отваро давер, и вхожу в кабинет, в котором неоднократно бывал. За последние время события нагромодились кучно и вразбурку, создавая мелодию светелой, напряженной, пугалой, тревожной и радостной жизни, где все случалось победо, на которую и был запрограммирован хитроумный и удачливый Чабби Лайк.

За столом сидел тот же Дибитц, может быть, а той же поношенной замшевой куртке, и выходящий белый лоб его так же заглядывал над узкими глазами, которые могли заморозить или согреть. Тот же Дибитц, придумавший Чабби Лайка, вломивший в него жизнь и брошенный в неопределенные дали, как расцвету, не промахнувшись по цели. Тогда же он на руках его чуть-чуть набухнул да порелел, пожадул, прыжки в капитанском хохолке на лбу.

И ты не помолдел, мальчик, — сказал он, прыгнул и подхватил кресло вплотную к столу.

— Вы научились уже и мысли читать, — откликнулся.

Нетрудно. Ты взглянул на мои руки и носился в них парами, выветриваются от усталенной молодости. Вздохнул?

— Уже.

Может похвалить тебя с возвращением и победой? Правда, пока еще подолгу, втайне, для окружающих ты попрежнему Чабби Лайк.

— Чабби Лайк умер.

Дибитц вздохнул.

И рад и жалко. Рад потому, что Лайк сделал невозможное, а все-таки жалко, что он уже полностью расскрепчен. Портреты твои, милок, обложки все газеты мира — увы! Но кто, в сущности, поменяет тебе воскреснуть?

— Как же меня тебе воскресить узнает.

— Собака, может быть, и узнает, а человек — нет. Есть средства, неузнаваемо меняющие внешность, есть биографии, которые ждут аполитического и догматического нового ума и таланта. Но о будущих делах твоих. Потомогом о сделанном. Ты уже знаешь о результатах?

— Как-то на газет.

Должно пригадать, так сказать, завуалированные формы бытия, так сказать, образы. И наши лаборанты и международная комиссия физико-химиков. В СБВ заархивались: лабораторные анализы, мол, проведены без их участия. В сафлариде работа отключилась, требовали специальной изоляционной камеры с манипуляторами. Только не помогли уловки. Выסתон чистейший, беспримесный. Составлялся жидким на выделенном урану. Ни и согласился с золотой мистериозной покончить. Только добытого бласистона извлекать на потребу мирного строительства, рудники в Лоусоне взяли под международный контроль. Расписались под документом, пожали руки и привели в исполнение. В кулуарах похаживали тебя за ум и хитрость — еще бы, переиграй начисто их громогласные контрразведки Гроесейстерам, которые в дни твоей работы в Горрора перевели куда-то поинже, Тейлора подобраи промышленности — где-то кондуат у них сыском и черными списками, ну, а Вигла пока не у дел. Ждет назначенца.

— Как-то Край-Врай? Уддел?

— К счастью. До чего так и не добрался — не оставил следов. А Док у нас.

— Улышал.

— Такому трудно в подполье — сплутать замесит. Но рвется назад. Не знаю, может быть, согласился — поплем.

А Дабльзон?

Генерал прикрывался и помолчал, как-то странно помолчал, сквозь улыбку, но то чтобы насмешливо, но с предвещением явного удушения. Потом вызвал по видео приемную, всемогущую но что-то на экране и сказал:

Присите.

И в комнату вошел — у меня рука не поднимается написать, кто...

Вигль!

Различия прилик в неожиданности, ему не положено открыто выражать свои эмоции — удивление, страх или радость, он всегда собран и готов к самому удивительному, чего и предположить не мог. Ни в Горрора, ни в отделе, ни в том, как школьные в кинотеатре, что угодно, только не это, но Вигль вошел, чудной и неприглядной, в штатском, такой же грузной, такой же колдовской, наивно и прирек его видеть на фотографии, и в тех редких случаях, когда он появлялся публично — на зонжирках.

Вигль кряхтя утесел напротив, молча, с ка-

кой-то хитройкой помятнука шефу, а тот ска-

зал: Телерь закрыл глаза, бывший Лайк. На минутку. Только по-честному.

И поновился и вдруг услышал до жути знакомый голос.

— Ну вот вы и снова встретились, синюк.

Первый!

И онемел.

Вигль — Первый!

Вигль — Дабльзон-И!

И Вигль — Первый! Сорпротивился — «слама» впитавшего в себя все оппозиционные группы и партии, всю ненависть народа к последней олигархии на Планете! Чудеса!

— А где вы сидели, — усмехнулся Дабитц. — А еще разведчик.

— Классный разведчик, — сказал Вигль. — Не смейся. Первого он знает по голосу, а по колодому обозначению и был для него невидимый.

Если колодому обозначение открыто, значит, больше не встретимся, — вздохнул я.

— Как זאת, сынок. Твоя профессия еще нужна. Пока нужна. Мы уже с тобой говорили об этом. Сибя, как тебе заблюк: сплурку ржмания, внутри — труха. Слам становится силой, с которой уже трудно совладать. А партия, сынок, наша партия знает, как и куда направить эту силу. Вигль — ты, обозначение — старе Тейлора и Уоррена, не помешают и поныне.

— А где же будешь старый Вигль?

— Найдется работенка. Пока я им тоже еще нужен.

— Как же вы рискнули приехать сюда? А если застряет?

— Не хватается. Для них я где-то отдыхаю. А где именно — у меня еще есть привилегия не сообщать о своих маршрутах.

Шеф вынул из сейфа папку в черной обложке. Я понял, что разговор окончен, и встал.

— Тебе бы отдохнуть, — сказал Дибитц, — воспользоваться передышкой. Месид, другой. Где-нибудь да отлежешь.

— У тебя и сплутца есть для отдыха, — любавил Вигль. — И привез с собой Линнет. Ей тоже нужно отдохнуть и сменить перышки.

С крутого берега мы глядели на море. Стальное море, белая гребенка прибоя, оно не акликало и не мамблило. И тут прибор не вызвал к курортной расслабленности.

Высоко над гололой згулился электрический молниеносный разряд, вылетел из облаков пламя деревьев. По проводу, тыхлоко перенесенная, прогудывали две крохотные утки, именно прогудывали, не падали и не вылетали.

— Первые кантодочки, — сказал я.

— Ты в ацире, — улыбнулся Линнет.

— Там сетка. А на земле ее нет.

— Ты имеешь в виду — а жизни?

Конечно. Мы же каятодочки. Только без страховочного троса и без балласта. И уж, конечно, без предохранительной сетки. Вот так. А пока мы просто в отпуску.

— Отпуск кончился, Чабби, — вздохнула Линнет, — пора возвращаться к занятию.

— Получила вызов?

— Еще утром. А вечером улетало.

— Завидую, — сказала я.

— Проводило завидую.

— Почему завидую? — уверенно. С надеждой, что и я получу такой же завтра или послезавтра.

— Грустно, не правда ли?

Перерыв, который и отпуском назвать нельзя было, подходил к концу.

И у Линнет и у меня.

Встретимся ли?

ЭПИЛОГ

— Директора Вигля просят обождать три минуты в приемной, — пропел мелодичный невидимый голос. — Следите за световым табло.

«Пока еще директор, — внутренне усмехнулся Вигль, — неважно интересно, кто же он». Санитарный блок кладбищенский? И всего три минуты. Кто ж, обождем.

В приемной, как всегда, было пусто. Шеф СБВ пригласил в кабинет, куда-то в кабинет, куда-то в кабинет, обычно разговаривая только по видео. Но случай с Виглем был исключительным. Он уже не занимал никакого поста, и видео у него не было.

Усмехамому усмехнулся, — пусть снимает хоть все закамуфлированные телепередачи, — Вигль подошел к стене-окну, откуда от-

крывалась панорама города. Новые улицы и площади вытеснили старые угодки: сохранявшиеся еще с прошлого столетия здания назывались теперь провинциальными, а старые городских светских львов — причудливых сооружений, капризных геометрических форм, герметичных свами и парками, смонтированными в стальной или пластиковый каркас этажной. Все знакомо до мелочей. Родной город, родной дом. Даже в этой приемной все памятно — и масштабы манежа и сверкающая эмалью и никелем полубетон. А сердце скрывается от гнева и нежности. Мир этот не отделился от себя. Ой! Третий десяток лет он здесь, в чудной жизни, в чудном стане, и все приглядываешь, привычное, привыкшее: не могло стать и не могло остаться. Мир этот не отделился от себя, что он, Вигль, живет по кодексу его законов, традиций и правил, и даже поношенный мундир свой надевает с уважением, подхватить доктор бесслезно, несмотря на все ухищрения микрири. И сейчас после потанной поездки домой она ненавидит обращается физической тошнотой, пережатыми горло. Три минуты! Кто же, он подождет эти три минуты, хотя они и излучают уже часами, как в хирургической палате перед операцией.

Световое табло загромоило всеми картами спонсоров. Вигль подтянул мундир, поправил обшивку плеча и шагнул к незначительной от стены двери.

— Я жду, Вигль, — сказала она знакомым голосом.

— Садитесь, Вигль.

Вигль шел, сохраняя почтительную неподвижность.

— Мне бы очень не хотелось, Вигль, чтобы вы затаили обиду.

— На что? — пожал плечами Вигль. — За то, что я упустил Док и прознал свигл слама с разведкой? Или же вы ошиблись и, естественно, закономерно последняя.

— Я уважаю строгость вашей самоценки, Вигль, — сказал шеф. — Но вы превеличаваете. Последняя была не так трагична. Вы просто возвращаетесь к своим соинформам. Чему вы удивляетесь?

— Испомял ваши слова: «Вы переросли их, Вигль, — переросли».

— Вернее, мы их недоинформы. Они помогают не только выявлять соротивающихся, но и воспитывать подчинившихся. Есть новые модели с гиппофотомом, запрограммированные на выявление индивидуальных навыков — не мыслит самостоятельно, доверий велитум тебе, пресекать кромоду даже у себя дома и не жди, когда ты тебя донесут, — доноси первым.

— Это эксперимент? спросил Вигль.

— Пока да. Но мы надеемся на его успех.

Надеяться, подумал Вигль. Во-первых, сомнифер, как и любой механизм, можно реконструировать. Смыт, тактичность, или заманит программу. Во-вторых, электронное воздействие требует электронного же контроля — новых массовых серий машин, способных проверить, проанализировать, и проанализировать. Тех машин еще нет. И будут ли? Эксперимент явно строился на песке, но Вигль переживал восторженный взгляд шефа и сразу понял, что от него хотят.

— Почему эксперимент, — сказал он. — Пробуем, — и встал.

Шеф тоже встал.

— Истаети, — добавил он, — ваше ходатайство о возмездии. И Джексона на работу удалили. Доррено. Перебежчик, вкусивший сладости слама, может оказаться полезным. Возьмите его к себе с организационной тщательной проверки и наблюдением.

— Будет исполнено, — заключил Вигль.

Ему очень хотелось взглянуть на преображенного Ли, и он не разочаровался. Ли похудел, вырос и научился скрывать свои чувства. Начать не отрывался на лице при виде Вигля.

— Младший блок-инспектор Ли Джексон к смене готов, — отчеканил он.

— Не будем ворошить прошлого, сынок, — сказал Вигль. — Приступай. Работа знакомая. Рутинная.

Мальчишка уже многому научился — не только чувства скрывать. Ретин, Вдумчив, Наполеон, Хороскоп, Психология, Психология, Психология, однако же премирающих и готовых отдать жизнь по приказу Первого. Метаморфоз Вигля им неизвестны.

Но в этом и состоит своеобразие его пока еще нужной профессии.

тератор, но менее прекрасный актер и режиссер. И удивительнейший человек! Он обладает богатством души, знаний, интеллекта. Образы, созданные им в кино, остаются надолго. Книги будут читать. Фильмы, поставленные им, будут идти...

— Для определения того, что достигнуто актером, статистика не лучший метод. Но мне кажется, что в цифрах ваша жизнь будет выглядеть любопытной. Давайте попробуем «составить» ее.

— Давайте. Живу на свете 37 лет. Работую, как уже сказано, 15 лет. За эти годы участвовал более чем в 6 тысячах представлений. К этому можно добавить выступления по телевизору, съемки в 6 кинокартинах. Написал более 100 рассказов и новелл. Десять человек считают меня своим учителем, а я их — учениками. Приятная цифра, если учесть, что цирковое училище в год выпуска максимум двух новораз. Получил более 5 тысяч писем от зрителей. Прочел — трудно точно сказать, — но думаю, что не меньше 3 тысяч книг. Выступил более 500 раз с рассказами о цирке, об искусстве пантомимы... И если уж вы хотите цифр, то давайте запишем еще такую: много вышло... около 24 тысяч бутылок лимонада или минеральной воды. По 4 за представление. Каждое представление — это большой расход сил, и всегда хочется пить.

— Известно, что вы автор всех своих реприз и миниатур. Сколько их в вашем репертуаре? — Больше ста.

— Какое из шести тысяч выступлений запомнилось вам больше всего? — То, которое было вечером 22 апреля 1961 года...

Этот день навсегда останется в памяти в пантиму. Помню, днем было скверное настроение. Накануне от волнения плохо спал. По своей давней привычке на работу побрел пешком. Шел морозный снег. На фасаде теперь уже старого Московского цирка на Цветном бульваре увидел огромное, в полдека дождя, афишу, возвещающую о моих гастролях. Краски разошлись, и было невечелание — клоуны плачут.

В гардеробной одевался мехмашинически. Посмотрел на себя в зеркало и тут толково отчетливо осознал — это же мой дебют в Московском цирке. А что будет, если провалюсь? Нет, это невозможно. Я репертуар даже по ночам, я рвался в Москву, я боролся за право работать в Москве, говорил всем, что смогу. Я убеждал маму, что стану хорошим клоуном и что это хорошая профессия.

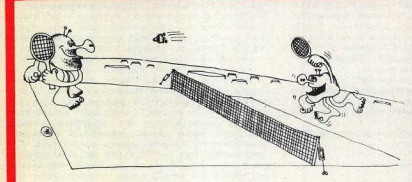
Нет, я не провалюсь! Ни за что! До сих пор отчетливо помню решения зал, когда закончилась клоунада «Боке». И что-то совсем невероятное — выходы после моего ухода за фангаит, вызовы, будто это не цирк, а театр...

Я совсем не пользуюсь наглазами и париками. Мой сценический костюм почти тот же, что и в жизни. Я не пишу, не кричу на арене.

Я молчу, и этот язык оказался понятен зрителю.

— И последний вопрос: легко ли быть комиком? — Насколько это трудно, знают только сами комики. Клоуны — это человек, который в обычном находит необычное. Отсюда комический эффект. Но я выхожу на манеж не для того лишь, чтобы смешить «уважаемую публику». Я выхожу на манеж, на эстраду для того, чтобы гордиться с «уважаемой публикой». О добре и зле, благодарности и злодстве, о любви и нежности. Вызвать мои репризы, пантомимы, клоунады. Их основная тема — человек. Вспомните «Боке», где мой герой, слабый, хилый, побеждает сильного, оскорбляющего его чувства и душица. Вспомните «Таракан». «Аробата» — это не просто антра. Нет, здесь разговор со зрителем, хотя на манеже я не произношу ни слова... Одна газета назвала меня «клоуном с осянью в сердце». Это приятно. Потому что осянь — это раздумье. А ведь без раздумья, замечу вам, без самого серьезного отношения к жизни нет и не может быть настоящего клоуна. Об этом я помню каждый день, каждый вечер.

Ветер... Самое любимое время суток. Вечером я по своей старой привычке пойду пешком на работу. Вечером меня ждет шумный концертный зал, со сцена которого я рассказываю людям о жизни и о них самих. Вечером меня ждет переполненная зала цирка, на золотистом донышке которой так тяжело и так радостно работать...

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

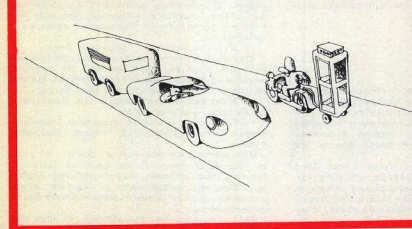

Рисунок Олега ЛАПШИНА

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

АВТОГРАФ

Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА
Слова Владимира НОВИКОВА

ПЕСНЯ ПРЕМЬЕРОВАНА НА ВСЕКОЗНОМ
КОНКУРСЕ ТУРИСТСКОЙ ПЕСНИ (1973 г.)

Все начинается с дороги,
Все начинается с пути;
Но как пройти нам надо много,
Чтоб путь к мечте своей найди.

Не потому ли мы, туристы,
Уют сменяли на поход,
Не потому ли мы, туристы,
Идем без усталы вперед!

Пр и пе в:

Мы на Земле распахнемся дорогой,—
Автограф этот годки не сотру,
Лишь брось в рюкзаки терпения немного,
А ноги нас не подведут.

Все начинается с задачи,
Все начинается с мечты;
Не может человек иначе,
Не может он без красоты.

Не потому ли мы, туристы,
За горизонтом чуда ждем,
Не потому ли мы, туристы,
Как стая, мечту свою несем!

Пр и пе в:

Все начинается с терпения,
Все начинается с труда;
Турист не станет на коленях
Перед бедою никогда.

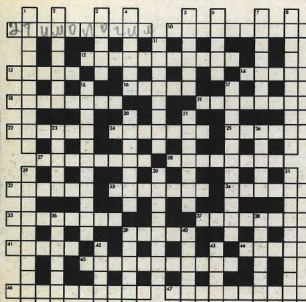
Не потому ли мы, туристы,
Не верим в слово «не везет»,
Не потому ли мы туристы
И наш девиз — всегда вперед!

Пр и пе в:

Мы на Земле распахнемся дорогой,—
Автограф этот годки не сотру,
Лишь брось в рюкзаки терпения немного,
А ноги нас не подведут.

ЗЕРКАЛЬНО, НАРБВОБРАЗО.

КРОССВОРД

По горизонтали:

- Наука, изучающая быт и культуру древних народов.
- Русский живописец XIX века.
- Лечебное учреждение.
- Помещение для обслуживания и ремонта самолета.
- Сила мелаза с углеводородов.
- Французский общественный деятель, лауреат Международной Ленинской премии «за укрепление мира между народами».
- Защитник, создавший памятник Петру I.
- Участник освободительной борьбы на оккупированной территории.
- Цветок.
- Комплекс спортивных сооружений.
- Государство в Южной Африке.
- Спортивный бег на короткие дистанции.
- Повесть Ф. Гладкова.
- Порт в Пакистане.
- Балет С. Прокофьева.
- Герой нормы А. Твардовского.
- Самолетный снаряд для глубоководных исследований.
- Прибор для измерения атмосферного давления.
- Геометрическое тело.
- Водоплавающая птица.
- Воодушевленные силы государства.
- Город в Воронежской об-

ласти.
- Разновидность супа.
- Равноценность, равнозначность.

По вертикали:

- Определение своего местонахождения.
- Зимний месяц.
- Вращающаяся часть турбины.
- Самая яркая звезда.
- Советский архитектор, академик.
- Птичий зверек.
- Роман Л. Леонова.
- Государство в Западной Европе.
- Балтийский порт.
- Специальная корюшка для сбора растений.
- Руководитель первого русского искусственного плавания.
- Спортивный.
- Северная агора.
- Русская народная игра.
- Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы.
- Остров в Индийском океане.
- Советский писатель.
- Название цикла рассказов А. Курилы из жизни черноморских рыбаков.
- Областная центу в Сибири.
- Порт во Франции.
- Птичий зверек.
- Шоа на тлади.
- Единица напряжения эвентрического тока.
- Превратительный набросок картины.

Составила К. ЛАВРОВА,
С. Булавокина,
Велгородской обл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

- Турбулур.
- Фурманос.
- Отгивка.
- Атласос.
- Литий.
- Успугу.
- Нарчиз.
- Табимиз.
- Отвал.
- Штрек.
- «Арсева».
- Барчер.
- Евковин.
- Клацис.
- Сенговия.
- Кизимов.
- Магюния.
- ЗЗ. Перепласс.

По вертикали:

- Тунгуса.
- Подог.
- Хурал.
- Дунай.
- Смоляна.
- Носовца.
- Мителгичия.
- Учители.
- Атасор.
- Нантеле.
- Реша.
- Сталевар.
- Кривоши.
- Егорев.
- Разрез.
- Длпис.
- Сквер.

СЕРЫЙ КОНУС АЛАИДА

Со стр. 22

ТЕМПЕРАТУРА ПОРОДЫ ТАКАЯ,
ЧТО И ПАЛКИ НЕ НУЖНО.

ки-зарицы. Ближе белесый занавес поредел, и открылось незабываемое зрелище. Взрив непрерывно осматривают золотом аспидно-черные слюны. «Золотом» желтеет, знобит, гонит. Извержение настолько интенсивно, что конус тоже становится золотым. И вдруг — затмение, гаснут слюны. Неодвижно сияет гигантский газ-кратер, устремленный в снегу ночного неба. Поток медленно стекает в воронку взрыва, расчерчивает стены свещиданными полосами. Новая порция лавы раскачивает под нами землю, подступает к жерну конуса. Резкие взрывы высоко выстреливают небосьные порции бомб, потом, все утихая, заволакивают все большие порции, снова и снова выбрасывают золотые потоки, сплывая в единой фонтанирующей каскад. Серый расцвет камина черные конуры на сером. Извержение пошло на убыль.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

После двух дней плохой погоды и бессонной ночи у вулкана все занято работой: отбираются пробы газов на потоке, образцы пород и volcano, проводят замеры температуры воды, наполняют водой бутылки для анализа. Нужно взять образцы лавы, только что попавшей в морскую воду, чтобы установить возможные изменения в химическом составе раскаленных пород. Кошмарится свинцовая вода, осторожно движется лодка. Из сырой лгмы повзлывают и исчезают почти бесшумные птицы. Рушатся и глутко в глубине раутса горячие глыбы, нарушая белесую монотонность бурным фонтанам. С моря идет зыбь — полова волна наступает на горячую стену, снова уходит. Если лодка в этот момент задержится, то корма затонет. Остатное доделает тивельный мотор. На поток не выберешься, в вода у потока горячая, в нескольких метрах от него — ледная.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Снова, как зачарованные, всю ночь у вулкана. Устали, холодно и испрютно на сыром, пронизывающем ветру. Пелес лезет в глаза, нома на лице и руках сохнет и трескается. А уйти невозможно. Лишь перед утром изменившийся ветер погнал нас ввысь, — пелес и газы повесело в нашу сторону.

По радио сообщили, что прибудет судно. На лодке перевезли эщюны с образцами, аппаратуру, пробы воды в базовый лагерь.

Извержение длилось около трех месяцев. Собран и обрабатывается большой научный материал. Остров Атласа изменил свой очертания — у него появился новый ммс, новый дала и новый шлаковый конус, на картах появится новые географические названия.

ИЗВЕРЖЕНИЕ СМЕТАЕТ ВСЕ ЖИВОЕ

ЛЮБИМЫЙ ПРИБЫЛ К ЛОДКЕ

ЛАВА ОСТАВАЕТСЯ МЕДЛЕННО

